

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА

КН. СЕРГЪЙ ВОЛКОНСКІЙ
КН. АЛЕКСАНДРЪ ВОЛКОНСКІЙ

И хочется вспомнить знаменитые слова Тургенева о русском языке, — что только великому народу дан великий язык. Но что же мы из него сделали? Что сделали из «великого, могучего, правдивого, свободного»? Не велик уже, когда так много воспринял пошлого; не могуч, раз прибегает к иноземной помощи; не правдив, если не из своих корней черпает, и не свободен, раз повинуется внешним указаниям, не развивается из глубины своего духа.

Русский язык в опасности.

С. В.

«Русский язык в опасности.» Князь Сергей Волконский,
Князь Александр Волконский.

КН. СЕРГЪЙ ВОЛКОНСКІЙ
КН. АЛЕКСАНДРЪ ВОЛКОНСКІЙ

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ



ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Б Е Р Л И Н Ъ

1928 г.

ЧИРКОВЪ Д.Ш.
2003
DANSH@CHIRKOV.COM

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Надо ли писать «не» или «ни», говорить «информація» или «освѣдомленіе», слѣдуетъ ли произносить «высокій» или «высокой»? Развѣ это важно? Стоитъ ли это выяснять, спорить объ этомъ *теперь*, когда государство Россійское рухнуло, все русское рушится, а личная жизнь русскаго такъ тяжела?

Да, все созданное нами рухнуло, развѣденное какимъ-то внутреннимъ духовнымъ недугомъ и поверженное злыми вражьими руками: лежитъ обезславленное позоромъ послѣднихъ лѣтъ и добываемое злорадственной клеветой по всему міру. Но есть немолчный свидѣтель былой силы — великій русскій языкъ. Его надо беречь, какъ залогъ единства стомилліоннаго народа, какъ условіе возрожденія — хотя и въ новомъ обличіи и въ преуменьшенныхъ очертаніяхъ — созданнаго этимъ народомъ величественнаго, когда-то цѣлаго государства. Языкъ этотъ ввѣренъ заботамъ *каждаго* изъ насъ: во всякихъ житейскихъ невзгодахъ каждый *ежечасно можетъ* выполнять долгъ свой предъ нимъ, передъ роднымъ языкомъ.

Уже давно, лѣтъ двадцать назадъ, въ смутномъ предчувствіи ожидавшихъ наше отечество бѣдствій, пишущіе эти строки остро ощутили творческое значеніе языка въ судьбахъ нашей отчизны и съ тревогой слѣдили за постепеннымъ сниженіемъ его благородства. Здѣсь мы собрали

нѣсколько статей, написанныхъ нами уже «въ разсѣяніи». Мы писали, живя въ разныхъ странахъ, независимо другъ отъ друга, намѣренно не читая одинъ статей другого. Взгляды наши совпали; различіе въ частностяхъ дѣлу не вредить; думаемъ, что не лишни и невольныя повторенія.

Посвящаемъ наши мысли русской молодежи Зарубежья: да хранить она нерушимымъ многообъемлющее имя «русскій» и блюдетъ въ чистотѣ русскій языкъ; да увидитъ зарю возрожденія, которой намъ, старикамъ, уже не дожидаться.

Братья Волконскіе.

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ *).

1. Слово и разумъ.

Русскій языкъ въ опасности. Самое духовное изъ наслѣдій нашей Родины, то, которое всякій изъ насъ носить въ себѣ и съ собой, въ опасности. Давно уже неряшливость, пошлость и всевозможные ошибочныя обороты стали проникать въ нашу рѣчь. Давно, болѣе давно даже, чѣмъ на нашей памяти: *Даль*, незабвенный составитель удивительнаго «Толковаго Словаря», еще въ 1862 году призывалъ защитить родной языкъ отъ чужерѣчій и отъ опошленія. А съ тѣхъ поръ и то, и другое только умножалось. Такого голоса, который бы осуждалъ, клеймилъ, выправлялъ, у насъ не было. Россійская Академія въ этомъ отношеніи оставалась безразлична и безмолвна. Она выдавала преміи; но она не произносила своего суда. Эстетически-воспитательная цензура въ области языка отсутствовала. Въ школахъ на чистоту языка не обращали вниманія, и сами учителя принадлежали къ числу тѣхъ, кто наиболѣе повинны въ наводненіи родного языка иностранными словами и въ ископшеніи его истрепанными словечками и оборотами. Свое безразличіе къ цѣнности языка Академія достойно увѣнчала признаніемъ новаго правописанія.

Извѣстное упрощеніе правописанія было осуществлено въ разныхъ европейскихъ языкахъ за послѣднее время, но ни въ одномъ языкѣ оно не вызвало искаженія грамматики и затемненія логическаго смысла, какъ у насъ. Когда мы въ нѣмецкомъ словѣ «Thür» по требова-

*) Читано въ Парижѣ въ Тургеневскомъ общ. 8 III. 1928 г.

цію упрощеннаго правописанія пропускаемъ букву *h*, то это есть дѣйствительно упрощеніе и больше ничего. Но когда мы пишемъ — «тамъ были *все* умные люди», а должны читать «тамъ были *всѣ* умные люди», то это уже *искаженіе*, и не только не упрощеніе, но осложненіе; это, можетъ быть, есть упрощеніе правописанія (вѣриѣ скажемъ, — процесса писанія), но въ умственномъ смыслѣ это есть осложненіе, поскольку оно вызываетъ недоумѣніе и возможность двойного толкованія. Вотъ это проникновеніе правописанія въ нашъ мыслительный процессъ совершенно не принимается во вниманіе тѣми, кто защищаетъ «упрощенное» письмо. Надо же разъ навсегда признать, что правильное правописаніе является *результатомъ* мышленія, неправильное правописаніе становится *причиною* мышленія, и — мышленія неправильнаго. Когда мы пишемъ «Онъ ее любитъ», нашъ мозгъ настроенъ (не въ психологическомъ смыслѣ настроенія, а въ механическомъ смыслѣ настроенности, какъ сказали бы про музыкальный инструментъ) на винительный падежъ, видить въ мѣстоименіи «ее» прямое дополненіе; и когда послѣ этого мы прибавляемъ «но онъ *ее* чуждается», то мы этимъ письмомъ въ нашемъ мозгу утверждаемъ категорію винительнаго падежа и неминуемо пріучаемъ наше мышленіе къ подобному же согласованію глагола «чуждаться», превращаемъ его понемногу въ дѣйствительный. Вотъ это есть *обратное* дѣйствіе правописанія на мышленіе. Однообразное письмо такихъ словъ, какъ «ее» и «ея», приводитъ къ тому, что сглаживается въ насъ сознаніе тѣхъ различныхъ двухъ грамматическихъ категорій, къ которымъ эти слова принадлежатъ. Происходитъ своего рода оскуднѣніе запаса логическихъ понятій. Умъ бѣднѣетъ, когда пресѣкаются пути его развѣтвленія.

Итакъ, когда пишемъ «столъ», это просто некрасиво; когда пишемъ «Медный Всадникъ», это *свидѣтельствуетъ* о нашей безграмотности; но когда пишемъ «Слезы людскіе», это не только *свидѣтельствуетъ* о безграмотности, это *способствуетъ* нашей безграмотности. Это есть ошибка, которая, пріобрѣтая характеръ привычки, превращается въ мыслительный пріемъ, получаетъ уже воспитательную силу (конечно, въ отрицательномъ смыслѣ воспитатель-

ную). Мы можемъ, слѣдовательно, раздѣлить проявленія новаго правописанія (кривописанія) на три категоріи. 1 — Случай, такъ сказать, *безвредные*, чисто эстетическаго характера: упраздненіе буквы *ъ*. 2 — Случай вредные, какъ искажающіе духъ слова; можно ихъ опредѣлить, какъ зло *активное*, направленное на объектъ, вѣѣ чловѣка лежащій, а именно — на языкъ: буквы *ъ* и *і*. 3 — Наконецъ, случаи вредные, какъ искажающіе не только духъ языка, но и самое наше мышленіе; ихъ можно опредѣлить, какъ *возвратное* зло, жало котораго обращено на чловѣка же, на его разумъ, на мыслительныя способности: смѣшеніе родовъ (*e* во множественномъ числѣ прилагательныхъ женскаго рода), смѣшеніе падежей («ее» вмѣсто «ея»), смѣшеніе въ одной ошибкѣ многихъ элементовъ («все» вмѣсто «всѣ»).

Вопросъ правописанія, собственно, не входитъ въ рядъ тѣхъ вопросовъ, которымъ мы на этихъ страницахъ удѣляемъ вниманіе, но я остановился на немъ, дабы ясно опредѣлить точку зрѣнія, съ какой хотѣлось бы взглянуть и на вопросъ о русской рѣчи и на тѣ искаженія, которымъ она въ обиходѣ нашемъ и въ печати подвергается. Ясно изъ предыдущаго, что вопросъ не только въ красотѣ языка (которая и сама уже была бы достаточнымъ поводомъ къ заботливости со стороны воспитателей), а въ ясности мышленія, въ точности мыслительнаго аппарата. И когда мы въ первой нашей строкѣ сказали, — «русскій языкъ въ опасности», мы могли бы съ меньшимъ правомъ, во всякомъ случаѣ съ меньшимъ основаніемъ къ безпокойству, сказать — «русское мышленіе въ опасности». Языкъ — орудіе, коимъ мышленіе высказывается, но оно же и опредѣляетъ правильность и полноту мышленія. Когда карандашъ чертежника не отточенъ, его рисунокъ грубъ; когда кирпичъ кривой, и зданіе выходитъ косо. Слѣдовательно, мысль, неясно выраженная, сама не ясна. И не оттого она неясна, что не тѣми словами выражена, а оттого не тѣми словами выражена, что самый мозгъ не ясенъ: настоящихъ словъ не знаетъ, смѣшалъ слова, покрылъ понятіе не соответствующимъ словомъ, слилъ два понятія въ одно. Вотъ, мнѣ кажется, на-

стоящая почва, на которую слѣдуетъ поставить вопросъ о воспитаніи правильности и чистоты языка. Мы прикасаемся здѣсь къ одному изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ воспитанія, — къ обратному воздѣйствію *последствія* на *причину*. Мозгъ есть причина рѣчи, а рѣчь — послѣдствіе мозговой дѣятельности, и неправильная рѣчь (послѣдствіе) искажаетъ мышленіе (свою причину). Мы можемъ опредѣлить это явленіе и какъ обратное вліяніе *формы* на *содержаніе*. Распространимъ дальѣе и скажемъ: вліяніе внѣшняго человѣка (форма) на внутренняго (содержаніе). Все это сторона воспитанія, которая у насъ, русскихъ, всегда была въ пренебреженіи. У насъ всегда твердили, что содержаніе важнѣе формы, и поэтому всякое воспитаніе формы почиталось ненужной роскошью, барствомъ и даже считалось вреднымъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что, если съ одной стороны наше душевное настроеніе, напримѣръ, вызываетъ извѣстное тѣлоположеніе, то съ другой стороны тѣлоположеніе вызываетъ настроеніе. Такъ, когда человѣкъ печаленъ, его голова никнетъ, онъ весь увядаетъ; но представьте, что человѣкъ три дня подъ рядъ будетъ ходить, осунувшись, — его настроеніе приметъ характеръ его внѣшности, онъ станетъ и самъ угрюмъ. Вотъ почему мать, говорящая ребенку «сиди прямо», творитъ не только дѣло эстетическое (потому что некрасиво сидѣть криво), не только дѣло гигиеническое (потому что не здорово сидѣть криво), не только дѣло общественное (потому что человѣкъ, криво сидящій, дѣйствуетъ удручающе на другихъ и самъ не можетъ быть въ настоящемъ, непринужденномъ общеніи съ себѣ подобными), но мать, говорящая ребенку «сиди прямо», творитъ и дѣло *воспитательное*, потому что постановка вліяетъ на духъ и такимъ образомъ вліяетъ и на *характеръ*. Повторяю, эта сторона воспитанія у насъ всегда была въ пренебреженіи; она даже противна русскому характеру, и въ этой неспособности оцѣнить воспитательное значеніе *формы*, какъ опредѣляющей собою ясность, а потому и большую цѣнность *содержанія*, нужно искать причину той легкости, съ какою наши авторитеты научные пошли на измѣненіе правописанія и съ какою всѣ мы способствуемъ искаженію и опошленію нашего языка.

Съ точки зрѣнія вышеизложенныхъ требованій неточности рѣчи также распадаются по разнымъ категоріямъ. Мы разсмотримъ ихъ въ порядкѣ ихъ вредности. Прежде всего: —

2. Ошибки противъ ударенія.

Часто говорятъ:

Возбудить	вмѣсто	Возбудить
Переведенъ	„	Переведенъ
Переведены	}	„
Переведены		
Нанесенный	„	Нанесенный
Обойденный	„	Обойденный
Уменьшить	„	Уменьшить
Ходатайство	„	Ходатайство

Примѣровъ неправильныхъ удареній можно бы привести много. Вся Москва уже говоритъ «Онъ мнѣ позвонить» (вмѣсто *позвонить*). И когда на эту ошибку обратишь вниманіе человѣка, онъ отвѣчаетъ: «Ахъ да, это по одесски». Есть ли это причина, или извиненіе, или оправданіе, — кто знаетъ? Но во всякомъ случаѣ «по одесски», не по русски, всѣ говорятъ. Неправильность ударенія не искажаетъ смысла, но она измѣняетъ духъ языка. Она придаетъ нѣкую классовость, извѣстный провинциализмъ, который не совмѣстимъ съ настоящей безотнормительной правильностью рѣчи. Въ перемѣщеніи ударенія часто сказывается и профессія. Въ употребленіи слова «приговоръ» напримѣръ, замѣчалъ, что чѣмъ выше судебная инстанція, тѣмъ однообразнѣе распространена форма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; въ то время какъ въ примѣненіи къ сельскому сходу почти всѣ говорятъ «приговоръ». Само по себѣ неправильное удареніе не вліяетъ вреднымъ образомъ на мышленіе; но съ точки зрѣнія воспитательной и оно вредно. Неумѣніе разобратъ въ тѣхъ различіяхъ, которыя въ этихъ разницахъ сказываются, неспособность ощущать разнообразіе человеческой природы и разнообразіе ея культурныхъ ступеней, наконецъ само безразличіе къ эстетической оскорбительности рѣчевыхъ неточностей свидѣтельствуютъ о

притупленности чувства, которая уже есть некультурность. Чувство языка (если позволительно такъ выразиться), чувство красоты языка есть очень тонкое чувство, его трудно развить и очень легко потерять; тотъ скачекъ, который за послѣдніе тридцать лѣтъ сдѣлалъ русскій языкъ, та наклонная, по которой увлекають его «изысканность» и «которыхъ молодыхъ писателей и неразборчивость ежедневной печати, лучшее тому подтвержденіе. Достаточно одного примѣра въ сторону неряшливости, чтобы уже эта неряшливость превратилась въ привычку, и въ качествѣ таковой она будетъ процвѣтать, подхваченная другими. Вѣдь это въ природѣ вещей, что хорошія привычки требуютъ упражненія, а дурныя сами развиваются... Вотъ почему и въ области рѣчи мы должны съ раннихъ лѣтъ воспитывать любовь къ красотѣ и внушать отвращеніе къ неправильностямъ, къ уродству.

Неправильность ударенія свидѣтельствуетъ также и о непониманіи корней языка. Одинъ человекъ сталъ увѣрять меня, что «возбудить» совершенно правильно, разъ говорить «принудить». Такъ разсуждающій человекъ только показываетъ, что онъ не отдаетъ себѣ отчета въ корняхъ. «Принудить» происходитъ отъ «нудить», а «возбудить» отъ «будить». Врядъ ли въ этомъ вопросѣ есть правила; но и не правилами я задаюсь. Вѣдь есть слова, которыя имѣютъ переносное удареніе и при этомъ испытываютъ измѣненіе смысла: «безобразный», «безобразный»; есть слова, которыя мѣняютъ удареніе съ приставкой новаго предлога: «восхитить», «предвосхитить». Не о правилахъ тутъ говорю, а о воспитаніи тонкости слуха, изощреніи вниманія, о впечатлительности къ болѣзненнымъ прикосновеніямъ. Вѣдь вотъ, на примѣръ, только что указанный примѣръ переменнаго ударенія: «похитилъ» и «восхитилъ». Смѣшеніе этихъ двухъ формъ, безразличное ими пользованіе дастъ недопустимое безобразіе: «Онъ похитилъ у меня платокъ» столь же рѣжетъ ухо, какъ «Онъ восхитилъ меня своимъ ибніемъ».

Удареніе принадлежитъ къ той категоріи рѣчевыхъ явленій, которыя мы обозначаемъ однимъ именемъ — *произношеніе*. Въ произношеніи сказывается то же самое, что мы отмѣтили въ удареніи: провинциализмъ, классъ,

уровень. Произношеніе — культурный барометръ, и ясность и точность его, отсутствіе примѣси — первая культурная ступень, поскольку культура сказывается въ звуковомъ процессѣ рѣчи. Во вторыхъ скажу, что въ произношеніи проявляется одна изъ важнѣйшихъ сторонъ культуры, — преемственность, то что мы могли бы назвать генеалогичностью культуры.

Вопросы ударенія капризны и не могутъ быть подведены подъ какое-либо *правило*. Однако здѣсь *есть* извѣстное внутреннее правило, внутреннее чутье, и если одни этого чутья лишены, то тѣ, которые имъ обладаютъ, не должны оправдывать тѣхъ, которые противъ этого внутренняго правила грѣшатъ. На примѣръ, отъ «иду» причастіе «идуцій»; будемъ ли оправдывать того, кто отъ «пишу» сдѣлаетъ причастіе «пишущій»? *) Однако къ этому должны привести требованія защитниковъ *свободы* языка. Языкъ, что обычай; въ немъ есть два стремленія (вѣрнѣе, въ людяхъ, языкомъ пользующихся), двѣ силы, одна сила — центробѣжная, отъ корня въ сторону, отъ закона къ свободѣ; другая сила центростремительная, къ корню, къ стволу. И разрушительно дѣйствуетъ первая, когда предоставлена себѣ; она должна сдерживаться второй, если хотимъ, чтобы сохранилась внутренняя красота. Большая разница между *развитіемъ* и *уклопеніемъ*. Хулиганство не есть развитіе этического начала. Скажутъ: «Кому указывать, кому утверждать образецъ? И, наконецъ, — какъ воздѣйствовать, воспитывать?» Тутъ можно дѣйствовать только примѣромъ. Самому *чувствовать*, другимъ *внушать* отчужденіе отъ уродства, не защищать, не одобрять, не извинять то, что должно быть оскорбительно на здоровый русскій слухъ.

3. Искаженія.

У насъ на каждомъ шагѣ можно слышать: «Я одѣлъ пальто». Можно ли сказать «одѣвать» въ этомъ случаѣ? Одѣвать можно только кого-нибудь во что-нибудь. На-

*) Впрочемъ, здѣсь точное правило есть: причастіе настоящаго времени образуется отъ 3-го лица множественнаго числа изъяснительнаго склоненія (идутъ, пишутъ).

примѣръ, — «Онъ одѣваетъ жену въ бархатъ и шелкъ». Но пальто можно только *надѣвать*. Это ясно станеть (для тѣхъ, кому еще не ясно) изъ обращенія въ страдательный залогъ. Если вы считаете правильнымъ «одѣтъ пальто», то должно быть по вашему правильно «пальто одѣвается». Но вѣдь ясно всякому (надѣюсь), что этого не можетъ быть: я одѣваюсь, *барыня* одѣвается, но пальто можетъ ли одѣваться? Что дѣлаетъ мать съ ребенкомъ каждый вечеръ и каждое утро? Она его *раздѣваетъ* и *одѣваетъ*. Можетъ она то же самое сдѣлать со своей шубкой? Я даже слышалъ такіе примѣры: мать говоритъ дочери — «Шурочка, раздѣнь пальто»!

Впрочемъ, есть даже пѣсня:

Раздѣвайте шляпки,
Будемте знакомы...

Предпочитаю ту, которая говоритъ:

Скинь-ка шапку
Да понижѣ поклонись.

Одинаковую ошибку дѣлаютъ въ употребленіи слова «обувать». Говорятъ у насъ — «Онъ обулъ сапоги». Нѣтъ, обуваться можетъ только человѣкъ, а сапогъ можетъ только надѣваться. Точно такъ же и разуваться можетъ только человѣкъ, а сапогъ можетъ только сниматься, скидываться (простонародно: скидываться). Слѣдовательно, —

Не говорите:
Одѣваю пальто
Раздѣваю пальто
Пальто одѣвается
Пальто раздѣвается
Обуваю сапогъ
Раздѣваю сапогъ
Сапогъ обувается
Сапогъ разувается

Говорите:
Надѣваю пальто
Снимаю пальто
Пальто надѣвается
Пальто снимается
Надѣваю сапогъ
Снимаю сапогъ
Сапогъ надѣвается
Сапогъ снимается.

Въ связи съ этимъ и другое реченіе: «Переодѣтъ платье». *Переодѣвается* опять-таки только человѣкъ (во что-нибудь), а одежду можно только *перемѣнить*. Право, даже странно говорить объ этомъ русскимъ людямъ.

До чего доходитъ бѣдность мышленія, — примѣръ. Одинъ преподаватель гимназій утверждалъ, что «надѣ-

вать» надѣ говорить о верхнемъ платьѣ, а «одѣвать» — о нижнемъ(!)...

Другое проявленіе той же ошибочности — въ употребленіи слова «огрбить». Это уже въ самое послѣднее время появилось. Такъ, пишутъ: «Бандиты (и почему бандиты, а не грабители) напали на кассира и ограбили пять тысячъ франковъ». Опять-таки «огрбить» можно только кого-нибудь (человѣка или учрежденіе): «они ограбили банкира (или банкъ) на пять тысячъ». Но пять тысячъ можно только *награбить*, а не *огрбить*. Опять же, превратите въ страдательный залогъ: развѣ вы скажете «огрбленныя» пять тысячъ? Конечно, скажете «награбленныя» пять тысячъ были истрачены»...

Неправильно употребленіе глагола «сожалѣть» съ винительнымъ падежомъ: «Я его сожалѣю». Нѣтъ, — сожалѣю *о немъ*, а жалѣю *кого*.

Совсѣмъ принимаетъ право гражданства такой оборотъ, какъ — «Сколько бы онъ *не* старался, ему это не удастся». «Не» вмѣсто «ни». Это не только говорятъ и пишутъ, но и печатаютъ. Разъ навсегда: «какъ бы *ни*, сколько бы *ни*, кто бы *ни*, когда бы *ни* и т. д. Человѣкъ говоритъ: «Какъ бы онъ *не* былъ силенъ». Пусть же онъ переспроситъ себя: «Значитъ, онъ *не* былъ силенъ?» Нѣтъ, напротивъ, онъ именно *былъ очень* силенъ. Тогда какъ же можно говорить — «*не* былъ»? Въ данномъ случаѣ не отрицаніе, а какъ бы сказать — отметаніе. *Не* отрицаетъ, говоритъ о томъ, чего *нѣтъ*; *ни* отмечаетъ то, что, *есть*. Эта весьма распространенная ошибка многими совсѣмъ не ощущается, и это свидѣтельствуеетъ о томъ, что сила мыслительнаго распознаванія уже затуманена ложною привычкой. Ну такъ пусть же вспомнятъ Пушкина:

Кто бъ *ни* былъ ты, о мой читатель...

Прости. Чего бы ты за мной

Здѣсь *ни* искалъ въ строфахъ небрежныхъ...

И что ей душу *ни* смутило,

Какъ сильно *ни* была она.

Удивлена, поражена...

Въ послѣдніе годы существованія министерскихъ канцелярій вошла въ употребленіе частица «дабы». Хорошее слово, но, какъ всякое слово, — на своемъ мѣстѣ. Слово «дабы» не зависитъ отъ глагола, а само подчиняетъ себѣ послѣдующія слова. Такъ напримѣръ, нельзя сказать — «Я хочу, дабы онъ пришелъ», а надо сказать, «чтобы онъ пришелъ, дабы передать ему то-то и то-то». Отсюда выводимъ: слово «дабы» не можетъ замѣнять слова «чтобы», а замѣняетъ выраженіе «съ тѣмъ, чтобы». Разъ нельзя сказать «Я хочу съ тѣмъ, чтобы ты пришелъ», то нельзя сказать и — «Я хочу, дабы ты пришелъ».

Перейдемъ отъ грамматическихъ искаженій къ словечкамъ и выраженіямъ.

4. Ходячія выраженія.

Въ томъ, что можно бы назвать опошляющими словами и выраженіями, надо различать двѣ категоріи. Одни слова пошлы и при этомъ неправильно примѣнены; другія пошлы безъ неправильности, а только въ силу того, что набили оскомину и стали тѣмъ, что можно назвать «дежурными словами».

Есть сейчасъ слово въ обиходѣ, которое положительно язва языка. Это слово — «обязательно». «Обязательно» происходитъ отъ «обязанность». Оно прежде, въ тѣ времена, когда еще хорошо, красиво и осмысленно говорили по русски, такъ и употреблялось, — только въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ сочеталось понятіе обязанности. «Вамъ обязательно явка въ такую-то канцелярію», — сокращенно: «Вамъ обязательно явиться въ такую-то канцелярію». Такъ же точно «прокуроръ обязательно присутствуетъ въ засѣданіи суда». У насъ теперь это слово употребляется вмѣсто «непремѣнно» и въ такихъ случаяхъ, когда совсѣмъ нѣтъ никакой обязанности. Такъ говорятъ: «Пройдитесь по бульвару, — обязательно вамъ повстрѣчается такой-то». Даже приходится слышать такія сочетанія, какъ — «Мнѣ обязательно хочется» или — «Вамъ обязательно нужно»; вѣдь это послѣднее то же самое, что — «Вамъ позволительно можно». Понятіе обязанности совершенно вывѣтрилось. На судѣ предсѣдатель

спрашиваетъ: «Вы, что же, свидѣтель, знаете, какъ онъ это? Пожемъ?» «Обязательно пожемъ-съ». Согласитесь, что это странное пониманіе *обязанности*.

Впрочемъ, злобредность этого слова не въ томъ, что оно неправильно употребляется, не въ томъ, что оно не сходитъ съ усть, и не въ томъ, что, наводя собою рѣчь, оно пошлитъ ее до постылости, а главное то, что, вытѣсняя другія слова изъ рѣчевой обихода, оно тѣмъ самымъ изгоняетъ изъ мозга соотвѣтствующія изгоняемымъ словамъ понятія и тѣмъ вызываетъ обѣднѣніе *мысленія*. Сами посудите. Рассказываетъ внучка про свою бабушку: «Каждое утро неизмѣнно — чаю напьется, къ огню сядетъ, очки надѣнетъ, газету читаетъ». Вѣдь лучше это, чѣмъ «Каждое утро *обязательно* и т. д.», да еще «очки *одѣнетъ*»... Чувствуете, что дѣлаетъ это слово? Или такъ, напримѣръ: «Четыре раза воръ ускользалъ, въ пятый разъ неминуемо попадется». Развѣ не лучше, чѣмъ «Въ пятый разъ *обязательно* попадется»? Ясна ли пагубная сторона этого слова? Понятія неизмѣнности и неминуемости существуютъ въ сознаніи, но они вытѣсняются изъ него однимъ общимъ словомъ «обязательно», которое не покрываетъ собой ни одного изъ нихъ и, какъ пластырь какой-то, заплпляетъ разнообразіе мыслительныхъ путей. Вотъ какія прекрасныя русскія слова вытѣсняются этимъ гнуснымъ паразитомъ:

Неизмѣнно	Непреклонно
Непремѣнно	Неотлучно
Неминуемо	Несомнѣнно
Обычно	Неуклонно
Неизбѣжно	Во что бы то ни стало
Неукоснительно	Не иначе какъ.

Загѣмъ, изгоняется такой красивый и въ рѣчи цѣнный оборотъ, какъ двойное отрицаніе: «Да вы ему только скажите, — онъ не можетъ не исполнить». Лучшее вѣдь, чѣмъ — «Да вы ему только скажите, — обязательно исполнить». Не буду больше останавливаться на этомъ словѣ, но скажу, что изъ всѣхъ наводившихъ нашу рѣчь «рибаутокъ, трафаретовъ и «дежурныхъ словъ» слово «обязательно» по пагубному своему вліянію на мысли-

тельный аппарат, по той легкости, съ какою подвергается, — самое злое вредное.

Еще нѣсколько примѣровъ искаженія смысла.

Слово «опредѣленно» пробралось въ такія сочетанія, гдѣ никакой опредѣленности нѣтъ. Напримѣръ: «Онъ опредѣленно не знаетъ». Слышалъ даже — «Онъ опредѣленно умеръ». Здѣсь проявляется мыслительная лѣнь: человекъ, вмѣсто «Я опредѣленно знаю, что онъ умеръ», перескакиваетъ, сокращаетъ и говоритъ: «Онъ опредѣленно умеръ». Сюда же относятся выраженія вродѣ «Онъ упорно не хочетъ». Здѣсь соединеніе причины и послѣдствія. Упорство есть слѣдствіе нехотѣнія; говорящій стягиваетъ ихъ въ нѣчто одно, при чемъ изъ послѣдствія дѣлаетъ качественное опредѣленіе причины. Подобныя выраженія *свидѣтельствуютъ* о вялости мышленія и *ведутъ* къ оскуднѣнію мышленія.

Очень уродливое слово, весьма однако прочно усѣвшееся въ современномъ обиходѣ, — «подвезло»: «Ему въ этомъ дѣлѣ подвезло». Если это правильно, то правильно было бы и настоящее время: «Ему въ этомъ дѣлѣ подвозитъ». Между тѣмъ, всякій скажетъ «Ему въ этомъ дѣлѣ везетъ». Слѣдовательно, въ прошедшемъ: «Повезло», *повезло*, не *подвезло*. Это остатокъ того, что можно назвать юнкерствомъ: подвезло, марка, нуль вниманія... Одинъ юноша такъ сказалъ «Когда мой батька сыграетъ въ ящикъ», это значило: «Когда мой отецъ умретъ»...

Сюда же надо отнести «Я васъ проведу до дому» вмѣсто *«провожу»*. «Провести» можно слѣного или человека, незнакомаго съ дорогой: «Проведите его коридоромъ». Но отъ «проводить» будущее время: «провожаю», а не «проведу». Тѣмъ болѣе не умѣстна такая форма, что она имѣетъ и переносное, не совсѣмъ почтительное значеніе, то значеніе, въ которомъ подразумѣвается «заносъ». Итакъ: «Провести, провель, проведу» — одно значеніе; «проводить, проводилъ, провожаю» — другое значеніе.

Неправильное словопроизводство. Отъ слова «большевикъ» произвели прилагательное «большевикскій». Суффиксъ *истскій* есть прилагательное окончаніе существительныхъ, оканчивающихся на *истъ*: «роялистъ —

роялистскій», «кальвинистъ — кальвинистскій». Суффиксъ иностраннаго происхожденія, который иногда принимаетъ и форму *ическій*: «коммунистъ — коммунистическій», «монархистъ — монархическій». Такія окончанія были бы умѣстны, если бы мы имѣли дѣло съ существительнымъ «большевиствъ»; тогда прилагательное было бы «большевиствскій» или «большевиствическій». По слово, кончающееся на *къ*, можетъ въ прилагательной формѣ дать только суффиксъ *цкій*: «мужикъ — мужицкій», «покойникъ — покойницкая», «дуракъ — дурацкій» (можете себѣ представить такія формы, какъ «музикскій» или «дурастическій?»). Поэтому и «большевикъ — большевицкій».

Мнѣ возражали, что прилагательное «большевикскій» не отъ «большевикъ, а отъ «большевиствъ». Однако много словъ есть, которые имѣютъ обѣ существительныя формы, а прилагательное производится отъ слова, кончающагося на *къ*. Напримѣръ, есть «трагикъ» и есть «трагизмъ», а прилагательное «трагическій» (отъ первой изъ двухъ формъ); то же и «комикъ». Думаю, что при соревнованіи суффикса на букву *къ* съ суффиксомъ *измъ* лучше давать предпочтеніе первому, — будетъ болѣе по русски.

5. Дежурныя слова.

Поговоримъ теперь о привычкахъ *безъ* искаженія грамматическаго и лишь съ малымъ искаженіемъ смысловымъ. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ числа тѣхъ, которыя и называлъ «дежурныя слова». Есть среди нихъ и такія даже, которыя никакого искаженія смыслового не представляютъ, а заслуживаютъ презрѣнія только по назойливости своей.

Кому не извѣстна форма большевицкой вѣжливости — «извиняюсь»? Какія прекрасныя русскія слова есть для того же самаго! Напримѣръ «виновать»; но развѣ можно признавать себя виноватымъ? «Простите»; да наплевать мнѣ на ваше прощеніе, не все ли мнѣ равно, прощаете вы меня или нѣтъ. А я самъ «извиняюсь», и будетъ съ васъ... Ужаснѣйшее слово, ужаснѣйшее съ

нимъ вмѣстѣ поведеніе. Прежде вамъ наступали на ногу и говорили: «Простите»; теперь вамъ говорятъ «Извиняюсь» и — наступаютъ на ногу. Распространенность этого слова можно сравнить только съ нѣкоторыми пасѣковыми, да, пожалуй, съ формулой «Ничего подобнаго».

Занявъ мѣсто такихъ выраженій, какъ «никогда», «нисколько», «ни въ комъ случаѣ», «ничуть не бывало», выраженіе это въ концѣ концовъ утвердилось, какъ замѣна простого «нѣтъ», когда оно произносится съ нѣкоторой силой, съ возмущеніемъ. Трудно объяснить пошлость этого выраженія тому, кто ея не чувствуетъ. И что же сказать о тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ, какъ къ извѣстной изысканности?.. Это одинъ изъ тѣхъ культурныхъ обмановъ, которыми обольщаются и ублажаются люди, воображающіе, что они всплыли на поверхность послѣдняго слова, потому что говорятъ то, чего еще вчера не говорили...

Плохую услугу языку оказываетъ иногда желаніе остроумничать. Дешевая переимчивость тутъ вводитъ въ оборотъ такія слова и выраженія, какъ «ничего подобнаго»...

Слово «товарищъ»... Какое прекрасное, священное слово! Товарищъ по школѣ, товарищъ по полку, товарищъ по несчастію... Вспомните только, какъ оно звучало въ то время, когда Пушкинъ писалъ свои «Лицейскія Годовщины». Что же сдѣлали изъ него? Незнакомый къ знакомому на улицѣ подходитъ: «Товарищъ, позвольте прикурить». Чекистъ обыскиваетъ васъ: «Ну, товарищъ, выворачивайте карманы». Оно превратилось въ совершенно безсодержательное обращеніе, — выдуманное, выпотрошенное слово.

Появилась и благодушная, трамвайная форма обращенія между женщинами: «Мадамочка». О, дивное слово — «Сударыня»!... Нѣтъ, не понимаютъ люди, что отъ нихъ не убудетъ, если другому прибавятъ.

Часто приходится слышать «между прочимъ» вмѣсто «между тѣмъ». «Онъ мнѣ обѣщалъ, а между прочимъ не исполнилъ». (Въ этихъ случаяхъ даже «между прочимъ», — съ вульгарнымъ словоупотребленіемъ и вульгарное

произношеніе). Это остатокъ семинарства. «Между прочимъ» можно сказать только, когда оно можетъ быть замѣнено словомъ «въ томъ числѣ». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда оно хочетъ замѣнить слово «тѣмъ не менѣе», оно не къ мѣсту, а надо говорить «между тѣмъ». И конечно, не говорить, что я тоже иногда слышалъ (тоже отъ семинаріи): «Между прочимъ», съ удареніемъ на у.

Опять-таки семинарство — употребленіе слова «слишкомъ» вмѣсто «очень». Такъ напимѣръ: «Такой-то человекъ мнѣ очень нравится: слишкомъ образованный». Это явно невѣрно. «Слишкомъ» можно сказать только о такомъ качествѣ, котораго слѣдуетъ убавить; въ этомъ словѣ всегда есть нѣкоторое осужденіе. Какъ же можетъ человекъ нравиться тѣмъ, чего ему надо убавить? Обратное было бы вѣрно: «Онъ мнѣ не нравится: онъ слишкомъ образованъ». Кто въ провинціи живалъ, тотъ слышалъ подобныя рѣчи, главнымъ образомъ въ духовной средѣ.

Какъ часто, говоря о женщинѣ, употребляютъ выраженіе «интересная». Я даже слышалъ разъ въ вагонѣ: «Ахъ, не скажите, — она поинтереснилась». Слово «интересъ» въ смыслѣ внѣшней привлекательности есть нѣчто произвольное и въ послѣдней степени безвкусное. Знаю, что Левъ Толстой прямо изъ комнаты уходилъ, когда при немъ кто-нибудь такъ выражался. Самъ онъ говорилъ: «Женщина, возвратившаяся изъ поѣздки въ Индію, можетъ быть интересна своими разказами, но она не можетъ быть интересна въ желтомъ платьѣ».

Много пошлости вливается чрезъ безразборчивое употребленіе слова «роскошный». Оно совершенно утратило свой истинный смыслъ *цѣнности*, стоимости, вообще такого, что связано съ затратой средствъ. Вполнѣ понятны выраженія — «роскошная квартира», «роскошная обстановка», но прямо отвратительны выраженія вродѣ «роскошная малина», «роскошная селедка». Что сказать про нарѣчіе, какъ напимѣръ — «Онъ роскошно читаетъ лекціи», «Онъ роскошно знаетъ свой предметъ», «Этотъ теноръ роскошно поетъ Ленскаго»... Совершенно выхощенное слово, ничего не значащая прибаутка.

Положимъ, Пушкинъ говоритъ:

Цвѣты осенніе милѣи
Роскошныхъ первенцовъ полей.

Но вѣдь это метафорическое примѣненіе слова, примѣненіе, такъ сказать, въ чрезмѣрномъ расширеніи смысла. Опъ же, Пушкинъ, въ известной строфѣ *о пожатъ* въ «Опѣгинѣ» говорить:

Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ слѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.

Уже одно сочетаніе съ отвлеченнымъ понятіемъ — «прикосновенье» поднимаетъ эпитетъ на степень крайней метафоричности. И въ самомъ дѣлѣ, какая восхитительная перестановка: вмѣсто «мягкое прикосновенье роскошныхъ ковровъ» — «роскошное прикосновенье мягкихъ ковровъ». Итакъ, метафоричность, аллегорія, вотъ что оправдываетъ несоотвѣтственное примѣненіе какого-либо эпитета. Именно аллегорія есть то новое содержаніе, тотъ духъ, тотъ аромат, которые превращаютъ *ошибку* произвольнаго примѣненія слова въ *находку* высшей художественной цѣнности. Но вѣдь ясно, что когда человѣкъ говоритъ — «роскошная селедка», то тутъ нѣтъ никакой метафоричности, никакой аллегоріи. Это просто невѣрное примѣненіе слова; и, — еще полные восхитительныхъ пушкинскихъ образовъ, — мы не колеблясь, скажемъ: кощунственное примѣненіе.

Доискиваясь причины того гнуснаго впечатлѣнія, которое производитъ безразборчивое примѣненіе нѣкоторыхъ словъ, приходится признать, что одна изъ причинъ пошлости есть — неощущеніе аллегоріи. Тотъ новый, слову не принадлежащій, но поэтомъ въ него вкладываемый духъ, не ощущается, не сознаваемъ нѣкоторыми людьми, и въ ихъ употребленіи слово, утративъ духовность своего метафорическаго содержанія, даже не снабжается извиняющими кавычками, — сими постоянными спутницами развѣнчанной аллегоріи. Кавычки въ подоб-

номъ случаѣ это есть *признаніе* своего оношляющаго акта; въ нашемъ же обиходномъ употребленіи слова «роскошный» не ощущается необходимость въ признаніи, потому что не ощущается и само оношленіе.

Здѣсь два слова о *кавычкахъ*. Снабженное этимъ «пропускнымъ билетомъ», собственно, всякое слово *можетъ* проникнуть въ рѣчь. Но тогда за нимъ остается характеръ, какъ бы сказать, «нелегальности», оно «подъ надзоромъ»; слово является въ качествѣ *цитаты*. Кавычки являются свидѣтельствомъ, что говорящій — (вѣдь не только въ печати, но и въ рѣчи слово можетъ быть «поставлено въ кавычки» путемъ интонаціи, особаго ударенія или остановки) — итакъ, кавычки свидѣтельствуютъ, что говорящій сохраняетъ свое критическое отношеніе къ явленію рѣчевому или умственному, которому не даритъ своего полнаго сочувствія или по отношенію къ которому высказываетъ насмѣшку, снисходительность, наконецъ, — явленію, отвѣтственность за которое онъ отъ себя отклоняетъ. Кавычки, какъ подчеркивающія неодинаковость умственныхъ уровней, несомнѣнно, одно изъ проявленій *культуриности*. Это признакъ неугасшаго въ чело-вѣкѣ чутья критики и самокритики. И не удивительно принесенное газетами извѣстіе, что новымъ декретомъ большевицкое правительство *упразднило* кавычки, — не удивительно потому, что его дѣятельность въ области языка противокультурна. Но *намъ* бы не слѣдовало утрачивать чутье къ разнообразію рѣчевыхъ уровней. А между тѣмъ у насъ вводятся въ обиходъ слова, которымъ не слѣдовало бы предоставлять право освобождаться отъ кавычекъ. Вѣдь снять кавычки это значитъ *заговорить своими словами*. Неужели же такія слова, какъ «дискуссія», «информація», и столько иныхъ нерусскихъ выдумокъ проникнуть въ ту русскую рѣчь, гдѣ мѣста и права гражданства принадлежать по праву рожденія? Объ иностранныхъ словахъ рѣчь будетъ впереди, но и ненностра-ннихъ, доморощенныхъ пошлости не слѣдовало бы освобождать отъ «поднадзорности» кавычекъ...

Упомянемъ въ числѣ пошлостей маленькое (тоже большевицкое) словечко «пока». Вы, конечно, всегда думали, что «пока» значитъ «въ то время какъ», «между

тѣмъ какъ», что оно подчиняетъ одно дѣйствіе другому въ порядкѣ одновременности? Совсѣмъ нѣтъ. «Пока» значитъ теперь въ чертѣ совѣтской осѣдлости: «До свиданія, будьте здоровы, не сомнѣвайтесь въ моемъ обѣщаніи и пр. и пр.» Это какъ бы маленькая пилюля совѣтской обходительности...

Есть и другая пилюля, — сгущеннаго благожелательства: «Всего!» На этомъ обыкновенно прекращается телефонный разговоръ; послѣ этого — отбой.

6. Безразличіе къ родному языку.

Скажутъ, что и въ другихъ языкахъ не все благополучно, что и тамъ въ разговорѣ втираются пошлости, и тамъ люди говорятъ не «академично». Совершенно вѣрно. Во французскомъ очень много входитъ въ обиходъ словъ «бульварныхъ»; есть даже словарь парижскаго «арго». Но не только въ печати, а и въ разговорѣ вы всегда услышите, что слово ставится въ кавычки. Тамъ проникновеніе недозволеннаго слова въ печать всегда сохраняетъ характеръ «цитаты»; оно является сознательно, какъ окраска того человѣка, которому влагается въ уста, или окраска той среды, которая описывается; вы никогда не заподозрите автора въ томъ, что онъ *раздѣляетъ* тотъ духъ пошловатости, съ какимъ данный оборотъ примѣняется, — авторъ умѣетъ себя отмежевать. У насъ этого *ощущенія* пошлости *не ощущается*.

Въ нашъ языкъ втираются слова и выраженія съ невымысленнымъ, неприсуцимымъ имъ, насильственнымъ значеніемъ, въ такихъ сочетаніяхъ, которыя не только коробятъ слухъ, но оскорбляютъ здравый смыслъ. Выраженія пошлыя легко распространяются; людская переимчивость чеканитъ однообразную, лживую монету, которая вытѣсняетъ драгоцѣнное разнообразіе нашего языка. Штампы, трафареты подхватываются налету, и готовые ярлыки своимъ безличіемъ обезцвѣчиваютъ яркость родной рѣчи; готовые обороты замѣняютъ самодѣятельность мыслительную, легкость замѣтванія замѣняютъ трудъ исканія; неправильное пользованіе словомъ искажаетъ мыслительный аппаратъ, вызываетъ неясность мышленія, вызываетъ умствен-

ную лѣнь; легкая удовлетворяемость *приблизительнымъ* словомъ ведетъ къ неминуемой расплывчатости мысли. Таковы опасности, на которыя хочется обратить вниманіе. Не то важно, то есть не то *самое важное*, что неточное, ошибочное мышленіе искажаетъ рѣчь, а то важно и опасно и страшно, что неточная рѣчь искажаетъ мышленіе.

Хочется здѣсь отвѣтить на весьма распространенное мнѣніе, которымъ часто вооружаются люди для того, чтобы, когда имъ указываютъ на опасность искаженій, оправдать ихъ. «Языкъ есть нѣчто живое, — говорятъ они, — это есть развивающійся организмъ; нельзя его въ рамки укладывать, нельзя его связывать правилами; это насиліе. Языкъ свободенъ». И *во имя свободы* эти люди даруютъ право гражданства худшимъ искаженіямъ и ошибкамъ. Какая-то филологическая «амнистія». Здѣсь явно неправильное толкованіе понятія свободы. Свобода вовсе не значитъ предоставленіе себя своимъ наклонностямъ; свобода не значитъ потаканіе. Какъ въ мірѣ искусства и всякаго нематеріальнаго творчества, такъ и въ языкѣ, только та свобода имѣетъ цѣнность, которая зиждется на подчиненіи. Свобода *до* подчиненія есть хаосъ; изъ хаоса человѣкъ входитъ въ подчиненіе, благодаря подчиненію изъ хаоса выходитъ и въ немъ, *въ подчиненіи* обрѣтаетъ новую уже цѣнную свободу. Вѣдь какъ бы люди ни превозносили прелести и преимущества пресловутаго «свободнаго воспитанія», а признать же они должны, что красть нельзя, стричь волосы надо, лгать не подобаетъ и въ носу ковырять непристойно. Разъ они это признаютъ, какъ же они отнесутся къ тому, кто *во имя свободы* будетъ возставать противъ воспитательныхъ мѣръ, направленныхъ къ искорененію этихъ дурныхъ привычекъ? По отношенію къ чисткѣ языка они именно такъ и поступаютъ. Поднимая голосъ за *свободу*, они упускаютъ *воспитаніе*; поднимая голосъ за *творчество* (на самомъ дѣлѣ за произволь), упускаютъ изъ виду дѣйствующую въ людяхъ *переимчивость* и надкость на все готовое. Они дѣлаютъ такимъ образомъ какъ разъ обратное тому, что хотять: поощряютъ *не свободу* — и заступаются за *ярлыки*. Движимые желаніемъ не препятствовать процвѣтанію злаковъ, они слѣпы передъ

надвиженіемъ плевель. Здѣсь дѣйствуетъ какой-то духъ умилной слащавости, который совершенно непонятенъ въ вопросахъ научныхъ и вопросахъ воспитательныхъ. Одинъ критикъ мнѣ однажды, по поводу моего выступления противъ иностранныхъ словъ, возразилъ, что я насилюю человѣческую природу, требуя изгнанія такого слова, какъ «мерси»; что если человѣкъ говорить «мерси», то потому, что это ему естественно, и если его заставить говорить «спасибо», то выраженіе его благодарности будетъ неискренно! Вѣдь такъ можно дойти до того, что, если гость за столомъ не будетъ по восточному обычаю рыгать, то благодарность его къ хозяйкѣ будетъ неискренна...

Грустно, но приходится отмѣтить, что, повидимому, любовь къ своему языку не сидитъ въ русскомъ человѣкѣ. Когда я въ Москвѣ передъ своими многочисленными слушателями-студійцами говорилъ о губительномъ пристрастїи къ иностраннымъ словамъ, *ни одинъ* не нашелся, который бы сказалъ: «Да, правда, это гадко, обидно; русскому уху и русскому духу противно, русскому сердцу больно. Давайте, дадимте другъ другу слово изгонять иноземныя слова, будемте говорить чистымъ, настоящимъ русскимъ языкомъ». Нѣтъ. Ни одного не нашлось, который бы сказалъ такъ, а всѣ только съ задоромъ, съ тѣмъ душкомъ, съ какимъ ставятся словесныя ловушки, спрашивали: «Да чѣмъ же это плохо? Да почему нельзя? А какъ же сказать иначе? А кто же сказалъ, что это нельзя?..» и т. д. Очевидно, отсутствуетъ въ русскомъ человѣкѣ любовь къ своему языку, если онъ не страдаетъ отъ искаженій его. И очень примѣчательно, что, когда этотъ вопросъ поднимается въ печати, то скорѣе выступаютъ люди въ защиту иностраннаго слова, — защищаютъ то, что все равно торжествуетъ!

Перейдемъ же къ вопросу о «нашествїи иноплеменниковъ».

7. Иностранныя слова.

«Товарищи! Прежде всего я долженъ васъ *информировать*, что, хотя мы съ ними стоимъ въ *контактъ*, однако *ориентироваться* во всѣхъ *инкриминируемыхъ дефектахъ* очень трудно, несмотря на *анкету*, и что-нибудь

опредѣленное *зафиксировать* въ этой плоскости не представляется никакой возможности. Можно лишь *констатировать* факты, не задаваясь *коррективами*; да и то, при *доминирующемъ* настроенїи *коллектива*, врядъ ли можно ожидать *продуктивности* отъ нашей *дискусси*...» и т. д. и т. д.

Такъ говорятъ за рубежомъ совѣтскимъ. Этотъ примѣръ я самъ составилъ, и думалось мнѣ, что, какъ все выдуманное, онъ грѣшитъ преувеличеніемъ. Однако на самомъ дѣлѣ онъ далеко отстаётъ отъ дѣйствительности. Послушайте лучше, какъ Мейерхольдъ объясняетъ приемы новой постановки «Горя отъ Ума»:

«Конструктивная установка Виктора Шестакова является трансформирующимъ станкомъ, дающимъ возможность подавать отдѣльные эпизоды, какъ кадры». Или вотъ напримѣръ резолюція «мѣсткома» желѣзнодорожниковъ:

«Главнымъ моментомъ непроведенія работы въ неплановомъ порядкѣ отразилось за счетъ распоряженій по линїи правленія и выявленія состоянїя производства по спеціальному опроснику, на каковомъ и было заострено вниманїе работы. Фиксированїе протоколовъ не даетъ ясности сути его намѣчанїа и практическихъ соображеній на этотъ счетъ». Поняли?..

Вопросъ о большевицкомъ вліянїи на русскій языкъ вопросъ большой и сложный и не только филологическїй. Для того, чтобы о немъ говорить, нужны документы, да и ихъ не достаточно для вывода всѣхъ принциповъ мыслительныхъ, которые оказываютъ воздѣйствїе на языкъ; тутъ уже вопросъ не филологическїй, тутъ явная отравка мыслительныхъ путей, это предметъ тяжелаго, сложнаго и скорбнаго изученія. Поэтому лишь вскользь его касаюсь и перехожу къ иностраннымъ словамъ вообще.

Иностранное слово не потому плохо (не только потому), что засоряетъ языкъ, но и потому (главнымъ образомъ потому), что, замѣняя ясное, опредѣленное слово новымъ, мало понятнымъ и потому неяснымъ, вліяетъ и на запасъ умственныхъ понятїй затмевающимъ образомъ. Поясню на примѣрѣ. Во время одного изъ уроковъ въ Москвѣ передъ рабочей аудиторїей я спросилъ:

— Вот сейчас кто-то из вас сказал слово «продуктивный». А что значить «продуктивный»?

Послѣдовалъ послѣшній отвѣтъ:

— Продуктивный? — полезный.

— Вот какъ? Молоко полезно?

— Полезно.

— Продуктивно?

— Нѣтъ.

— Такъ что же значить «продуктивный»?

И замѣнилъ я имъ это иностранное слово русскими словами: «плодотворный», «производительный».

— Понимаете?

— Понимаемъ.

Что же происходитъ? Понятія полезности и плодотворности, столь ясно разграниченныя въ русскомъ языкѣ, въ умахъ этихъ людей уже слились въ одно понятие подъ общимъ неяснымъ обозначеніемъ иностраннаго слова. Подъ покровомъ этого мало понятнаго слова различіа понятій стерта, утрачивается сознание ихъ неодинаковости. Вотъ наиболее погубная сторона того наплыва иностранныхъ словъ, которымъ заливаются наша рѣчь. Но есть, кромѣ этой логической стороны, и психологическая. Люди почему-то думаютъ, что они умнѣютъ, когда произносятъ слова, которыхъ не понимаютъ. Создается у человѣка какое-то *подобіе* культуры, которая на самомъ дѣлѣ *ниже* той, какая у него *есть*. Это я ясно ощущалъ, когда во время революціи въ деревнѣ слушалъ тамошнихъ говоруновъ. Они сыпали «умными словами» но были положительно глупѣ своихъ отцовъ, которые, глядя на разглагольствующихъ сынковъ, не то умилялись, не то конфузились, даже стыдились. Вліяніе иностраннаго слова несомнѣнно расслабляюще, когда падаетъ на умственную почву, не подготовленную къ его воспріятію, — когда говорящій не отдаетъ себѣ отчета въ корняхъ этого слова. Какъ всякое полужнание, оно хуже незнанія, все равно какъ полуистина есть уже заблужденіе. Все что было сказано выше относительно *обратнаго* дѣйствія слова на разумъ, въ наибольшей степени приложимо къ иностраннымъ словамъ.

Думаю, что общее положеніе достаточно ясно послѣ сказаннаго. Хочу дать небольшой списокъ «*дефективныхъ*» выраженій и къ нимъ соотвѣтствующихъ «*коррективовъ*».

Зачѣмъ:	Когда есть:
Ориентироваться	Разобраться, осмотрѣться, опознаться *)
Фиктивный Инициаторъ	Вымышленный, мнимый. Зачинщикъ (во всякомъ случаѣ въ отрицательномъ смыслѣ).
Доминировать, превалировать Информировать	Преобладать, господствовать. Оповѣстить, поставить въ извѣстность, освѣдомить.
Варіировать Юансировать Фиксировать	Разнообразить. Отгнать. Закрѣпить, установить, записать, внести.
Оперировать Инкриминировать Анкета Коррективъ Дефектъ Симуляція Базировать	Дѣйствовать. Ставить въ вину. Опросный листъ, опросъ. Поправка, возмѣщеніе. Изьянъ, недочетъ. Притворство. Строить, утверждать, основывать.
Детальный Индифферентный Пресса Колье	Подробный. Безразличный. Печать. Ожерелье.

Нельзя продолжать списокъ до безконечности, остановимся и здѣсь. Но скажемъ, что представители тѣхъ профессій, которыя должны бы подавать примѣръ уваженія къ языку, даютъ примѣръ обратнаго. Я слышалъ про-

*) Не смѣшивать съ «обознаться» — ошибиться (принять кого за другого).

фессора университета, который говорил, что на сторожа можно возложить обязанность отапливать помещеніе, что «въ крайнемъ случаѣ можно его и *гонорировать*»... Такия обиходныя слова, какъ «пардонъ», «мерси», кромѣ вульгарности своей, свидѣтельствуютъ и о томъ еще, что люди какъ будто не имѣютъ природныхъ инстинктовъ вѣжливости, если должны выраженія ихъ заимствовать отъ другихъ. Газеты не отстаютъ въ этомъ дѣлѣ разрушенія. Во всѣхъ областяхъ знанія, отношеній общественныхъ, государственныхъ слова иноземныя множатся съ ужасающей быстротой. Уже вошло въ обиходъ такое слово какъ «коммюнике» («сообщеніе»). Одинъ критикъ сказалъ, что такой-то очень «модерный писатель». Всякая такая «новизна» съ каждымъ разомъ, конечно, проникаетъ въ обиходъ все шире и засоряетъ сознание все глубже. Уже утрачивается представленіе объ «иностранности» слова. Одинъ врачъ записалъ въ книгу санитарнаго поѣзда: «Всѣмъ сестрицамъ большое *русское мерси*». (Конечно «курсивъ нашъ»). А одинъ критикъ, похваливъ меня за выступленіе противъ иностранныхъ словъ, прибавлялъ: «И въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ много въ русскомъ языкѣ *циркулируетъ* нерусскихъ словъ».

Есть слова, которыя переключиваются къ намъ съ искаженіемъ того смысла, который имъ принадлежитъ въ ихъ отечественномъ языкѣ. Слово «будировать» значитъ по французски «дуться» (на кого-нибудь). У насъ (вѣроятно, по созвучію со словомъ «будить»?) оно употребляется въ смыслѣ «расталкивать», «подстрекать». Имъ замѣняютъ другое иностранное слово — «агитировать»: «по деревнямъ развѣзжали люди, которые будировали населеніе».

Вопросъ объ иностранныхъ словахъ въ своемъ родѣ бездонный вопросъ, потому что творчество въ этой области такъ богато, что прямо не угонишься. Не такъ давно читалъ о «недискутабельныхъ сужденіяхъ»; о томъ, что человекъ сидѣлъ въ автомобилѣ и сквозь окно слѣдилъ, какъ шоферъ «производитъ свои артикуляціи». Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать (прибѣгнувъ къ другому иностранному же слову) — «эволюціи». Вышло нѣчто странное: «артикуляція» по французски значитъ «сочлененіе»

(у человекѣ, страдающаго ревматизмомъ, боли въ «артикуляціяхъ»); далѣе, уже распространенно, «артикуляція» значитъ «членораздѣльность», — цѣнное условіе хорошей сценической рѣчи... Еще читалъ недавно, что члены какой-то партіи «сконспирировались» въ особую группу.

Упомяну еще объ одномъ распространенномъ галлицизмѣ. Люди говорятъ: «Я не знаю, если онъ пришелъ». «Посмотри, если онъ дома». Здѣсь условное «если» употреблено вмѣсто вопросительнаго «ли». Развѣ не болно, что тѣ самые, кто такъ говорить по-русски, отлично почувствовали бы ошибку, если бы кто-нибудь въ подобномъ же случаѣ по нѣмецки сказалъ — «*wenn*» вмѣсто «*ob*»...

Наконецъ, укажу здѣсь еще на одну плохую привычку. Дѣло касается извѣстной категоріи иностранныхъ словъ, вошедшихъ и все болѣе проталкивающихъ въ русскій обиходъ. Не противъ самого вторженія иностранщины говорю я здѣсь, а противъ извѣстнаго *произношенія* уже укоренившихся въ нашемъ языкѣ словъ. Слова, кончающіяся на «онный», какъ «революціонный» и подобныя, произносятся съ особеннымъ удареніемъ на буквѣ *о* (послѣ *и*), причемъ почти остается неизпроизнесенной гласная, предшествующая буквѣ *и*; она даже иногда совсѣмъ пропадаетъ. Такъ выходитъ: «революціонный», «агитціонный» и пр. Между тѣмъ, эта гласная есть основная, главная гласная коренного существительнаго. «Революціонный» происходитъ отъ «революція», агитаціонный — отъ «агитація». При нашемъ же неряшливомъ произношеніи прилагательнаго съ пропажей коренной гласной пропадаетъ самая сущность слова. Неряшливость идетъ еще далѣе, и то *i*, которое слѣдуетъ за буквой *и*, превращается въ *и*. Тогда мы слышимъ: «революціонный» «агитціонный». Не могу сказать иначе, — это звучитъ отвратительно. Одно изъ проявленій культуры — чтобы чувствовалось въ человекѣ, что онъ знаетъ *происхожденіе* слова; должна въ словѣ звучать его генеалогія. Такое произношеніе, какъ вышеуказанное, стираетъ всякій намекъ на происхожденіе, ибо не можетъ въ латинскомъ словѣ быть звукъ *и*, и не можетъ вообще ни одно слово правильно существовать безъ коренной гласной. И когда

это говорят люди, учившіеся латинскому языку или знакомые съ иностранными языками, то неряшливость ихъ поистинѣ свидѣтельствуесть объ отсутствіи культурнаго чутья и культурныхъ привычекъ. Они, очевидно, не ощущаютъ латинскаго наслѣдія, живущаго въ этихъ словахъ. Культура имѣеть двойное развѣтвленіе: въ вѣтвяхъ и въ корняхъ; кто не ощущаетъ корней, не способенъ на настоящее цвѣтеніе въ вѣтвяхъ.

Да, вопросъ объ иностранныхъ словахъ, столь болѣзненный при нашихъ бѣженскихъ условіяхъ, важенъ, конечно, не только съ точки зрѣнія засоренія языка, но и съ точки зрѣнія искаженія мыслительнаго аппарата и, какъ одного изъ его рычаговъ, — слуховой чувствительности къ рѣчевой правильности. А чувствительность наша притупляется, — уже не разбираютъ люди, что правильно и что неправильно и *почему* неправильно. Мы отошли отъ тѣхъ корней, которые питаютъ нашу рѣчь, если можно такъ выразиться, смысловыми соками. Усыхаеъ яркость природная. Мы ушли отъ нея и уходимъ все дальше. И хочется вспомнить знаменитыя слова Тургенева о русскомъ языкѣ, — что только великому народу данъ великій языкъ. Но что же мы изъ него сдѣлали? Что сдѣлали изъ «великаго, могучаго, правдиваго, свободнаго»? Не *великъ* уже, когда такъ много воспринялъ пошлаго; не *могучъ*, разъ прибѣгаетъ къ иноземной помощи; не *правдивъ*, если не изъ своихъ корней черпаетъ, и не *свободенъ*, разъ повинуется виѣшнимъ указаніямъ, не развивается изъ глубины своего духа. Русский языкъ въ опасности.

С. В.

О ЗАИМСТВОВАННЫХЪ ИНОЯЗЫЧНЫХЪ СЛОВАХЪ *).

Осенью минувшаго года въ зарубежныхъ газетахъ было напечатано постановленіе Союза русскихъ журналистовъ и писателей въ Чехословакии, осуждавшее «моральную апробацію» Горькимъ чекиста Дзержинскаго. «Моральная апробація...» Прочелъ я эти слова и вспомнился мнѣ просторъ уфимскихъ степей: объѣзжаемъ мы съ приказчикомъ въ таратайкѣ хуторскія поля и угодыя; вижу, въ овражкѣ выкопана четырехугольная яма и стоитъ въ ней вода. «Это у васъ, Иванъ Петровичъ, что тутъ затѣвается?» спрашиваю. «Это-съ? Апробаціонный колодезь: ежели продержится вода до іюля, настоящій колодезь выроемъ».

Взялъ онъ слово «пробный», снабдилъ его иноязычнымъ суффиксомъ, добавилъ иностранную приставку; получилось слово, которое, если что и означаетъ, то какъ разъ обратное тому, что онъ хотѣлъ сказать. Да не все ли равно? Главное вѣдь показать, что онъ человѣкъ интеллигентный.

Но чѣмъ можетъ руководствоваться союзъ *русскихъ писателей*, примѣняя подобныя слова, я постичь не могу.

Признаю, что бываютъ случаи, когда слово «моральный» имѣеть иной оттѣнокъ, чѣмъ прилагательное «нрав-

*) Читано въ Русскомъ Собраніи въ Римѣ 22 марта 1927 г.

ственный *). Хотя этот иной оттенок — следствие давнишнего, вполне ненужного введения в русскую речь слова «моральный», считается с таким различием все же приходится: в некоторых случаях в фило-софском изложении обойтись без этого иностранного слова теперь, вероятно, уже нельзя. В данном же слу-чае «нравственное одобрение» полностью и без остатку покрыло бы «моральную апробацию».

Слово «апробация», если и можно где найти, то разве в бумагах XVIII века, наряду с «ассамблеями», «ре-гиментами» и «сатисфакциями».

Дев поры засорения речи.

Засорение русской речи иностранными словами во времена Петра Великого имело исторической и политиче-ский смысл (оно шло наряду с бритьем бороды и вве-дением немецкого платья); к тому же очень уж вели-кое обилие новых понятий ворвалось к нам тогда, а лю-дей, способных создать для них русские слова, еще не было. Золотой век нашей литературы блестяще спра-вился с этим болезненным явлением **).

Совсем иным представляется то заполнение языка иностранными словами, которое началось с 60-х годов *поло-жительных* государственных или культурных целей его не вызывают и не обуславливают; оно порождение болез-ненной настроенности нашей радикальной интеллигенции и полуинтеллигенции. От тех членов этой обществен-ной среды, кои вышли из крестьянских семей, есте-

*) «Нравственный» прежде всего означает положительную с точки зрения добра и зла (этическую) оценку, в противопо-ложность «безнравственный». «Моральными» называются ду-шевные явления, относящиеся к области чувствований и воле-вых переживаний, в противоположность ощущениям, восприя-тиям и мышлению, составляющим область ума и познания. По французски слово *moral* имеет более широкое значение: на-пример: *les sciences morales et politiques*.

**) От писателей, воспитанных на французском языке, в синтаксисе нашего литературного языка остался лишь один галлицизм: деепричастие придаточного предложения при раз-ных подлежащих в главном и в придаточном предло-жении. (См. здесь, стр. 00).

ственно было ожидать, что они станут обогащать литера-турный язык из неисчерпаемого родительского наслед-ства; вместо того, они прилагали руку к «созданию» пошлого воляпука современных газет. Это психологи-чески понятно: то были люди, оторвавшиеся от родной среды, порвавшие с народными идеалами, отвернувшиеся от церкви с ее славянским языком и с чистым рус-ским языком ее духовенства; для них русская история начиналась с Каракозовского выстрела, а строение буду-щего человечества — с выкорчевывания из народной почвы всех ветровых корней. Могли ли такие люди умиляться тихой речью летописца, гордиться красотой царской грамоты, чувствовать величавость языка импера-торского манифеста и трепетать предъ недосыгаемой вы-сотой Пушкинского «Пророка»?

Связь между засорением языка и супротивным ду-хом интеллигенции отмечена Эртелем: управительский сын Николай свободно впитывает в себя окружающее его богатство черноземного языка — языка полевых ра-бот, охоты, конского завода, перебранки парней, балагур-ства дёвок. Но появляется «просвитель» и подносит ему подарок: «Вот-сь! Настольная книга всякого раз-витого человека: «100 000 иностранных слов». Оттол-кнувшись Николая по наклонной плоскости перевод-ных брошюр об Эрфуртской программѣ, а нынѣ, ве-роятно, докатилась до «дискуссий» с «рабфобами» о «ра-ционалах», положенного им «алимента» *).

*) В настоящей статье несколько раз употреблено слово «интеллигенция» не в значении всего образованного общества, а в особом, суженном смысле. Во избежание недоразумѣ-ний, определим точнее этот смысл. Четыре основных при-знака определяли «интеллигента»: 1) обладание учебным дипломом; 2) оторванность от родной почвы (*des déclassés*); по этому признаку интеллигентом будет и столичный адвокат, стыдящийся своей матери крестьянки, и князь Кропоткин, пор-вавший не только со всем плохим, что было в его среде (сие было бы только похвально), но и с тем, что в этой среде было правильного и достойного; 3) отрицательное отношение к церковному началу, следовательно к существованию объектив-ной истины; когда бытие последней не отрицалось полностью, то отрицалось по меньшей мере отражение Истины в уже дан-ном нам боготкровении. Отсюда безграничный субъекти-

Обогащеніе или обѣднѣніе?

«Обогащайте, обогащайте русскій языкъ», говариваль одинъ учитель московской гимназіи, совѣтуя ученикамъ заимствовать иностранныя слова. Этотъ своеобразный любитель родной рѣчи, видимо, и не подозрѣваль, что на сто заимствованныхъ словъ развѣ два-три послужать къ обогащенію; остальные — лишь ядовитыя прививки, убивающія здоровыя ткани языкового дерева и нарушающія свободную завязку почекъ, здоровое произрастаніе новыхъ листьевъ и образованіе новыхъ вѣтвей. «Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка», сказалъ Пушкинъ. Прежде «ручались», «принимали что-либо на себя», «были или служили порукой», «обезпечивали...», — теперь только... «гарантируютъ». Прежде слухи «зарождались», появлялись, держались, замирали» и проч., — теперь они умѣютъ только... «циркулировать»; поѣзда — тѣ не только «циркулируютъ», но и «курсируютъ», зато «ходить» почти перестали. Прежде человекъ задумывался, какое слово въ данномъ случаѣ точнѣе выразить его мысль: «недостатокъ»-ли, «ошибка»-ли, «недохватъ», «недостача», «непорядокъ», «недочетъ», «изъянъ», «неналаженность», «неладъ», «порча», «несовершенство», «погрѣшность», или не требуется ли примѣнить вмѣсто нихъ какое-либо сложное выраженіе; нынѣ — онъ во всѣхъ случаяхъ безъ разбору пришепываетъ готовое и отвратительное, клеймо: «дефектъ». Ведеть ли это

внамъ всего міровоззрѣнія... пока мысль не попадала въ тиски политическаго исповѣданія данной партіи; 4) отрицательное отношеніе по меньшей мѣрѣ къ русской власти, а обычно ко всякой власти и всякой государственности (кромѣ существовавшей въ мечтахъ государственности будущаго «новаго человечества»). Кто сознавалъ, что имѣетъ общиѣ съ этими людьми лишь 1-й пунктъ, не могъ причислять себя къ интеллигенціи. Въ 1907 г. въ одной статьѣ (въ «СПБ. Вѣд.») я сознательно употребилъ выраженіе не «интеллигенція», а «наше образованное общество»; другая газета отвѣтила ехиднымъ вопросомъ: «Любопытно бы знать, кого кн. В—ій подразумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ?» Но вотъ недавно П. Б. Струве озаглавилъ свою передовицу въ «Возрожденіи»: «Образованное общество и интеллигенція». Въ добрый часъ: хоть черезъ 20 лѣтъ, а точка надъ і поставлена.

къ обогащенію или обѣднѣнію, къ расцвѣту или усыханію языка? Вѣдь съ забвеніемъ основнаго слова исчезаютъ изъ оборота и его производныя. Больше того, дальнѣйшія производныя, которыя родились бы, еслибъ прививка не нарушала свободнаго развитія даннаго гнѣзда словъ, народиться уже не могутъ. Вмѣсто нихъ высылетъ рядъ злокачественныхъ новообразованій, какія-нибудь «дефектированія», «дефективности» и «дефектаціи». И еще я спрошу: ведеть ли это забвеніе ряда близкихъ между собою по смыслу русскихъ словъ и замѣна ихъ иноязычнымъ «штемпелемъ» къ обогащенію русского мышленія или къ обѣднѣнію его? къ уточненію логики у русскихъ людей или къ ея затемненію?

Степень болѣзни.

Уже попадаются въ газетахъ подрядъ 2—3 строки, въ которыхъ, кромѣ союзовъ и предлоговъ, нѣтъ ни одного русскаго слова. А каждый новый номеръ дарить читателя новымъ ненужнымъ заимствованіемъ. «Контроль репатріаціи долженъ быть гарантированъ санкціей делегатовъ верховнаго комиссаріата лиги націй». «Интенсивность занятій стимулируется контрольными комиссиями». «Обыкновенно положеніе правительства презюмируется прочно и констатированіе такого факта публицистомъ не должно...» и т. д. Рѣшите сами, выдумалъ я эти предложенія или выписалъ. Относительно послѣдняго предложенія могу признаться, что я понялъ его лишь послѣ того, какъ мнѣ пришло на умъ, что слово «прочно» здѣсь не нарѣчіе, а прилагательное. Чѣмъ же это окончится? Въ самомъ дѣлѣ, если можно сказать «пактъ» (что вѣдь ничего иного не означаетъ, какъ «договоръ», «соглашеніе», «взаимное ручательство»), то почему нельзя, открывъ французскій словарь на словѣ *расте* выписать оттуда въ искаженномъ видѣ любое сосѣднее слово: «пактизировать», «паделинъ», «пакотилъ», «пакотилировать», «пакотилёръ», «пацифично»... Развѣ заимствованіе этихъ словъ безсмысленнѣе, чѣмъ заимствованіе слова «пактъ»? И если «сенсация» со смѣхотворнаго заглавнаго листа нынѣ перебралась на столбцы передовицъ, то почему не ввести и ея сосѣдей: «сензементно, сансиби-

лизировать, сенсibiliсть, сензитивный (уже есть!), сенильность, сенильный...» Я взялъ французскій словарь, но вѣдь другіе заимствуютъ изъ англійскаго, нѣмецкаго, итальянскаго... Люди, мирающіе съ такими словами, какъ «фестиваль, комюникэ, персональный, преваляція, информация, перманентный, отель, мерси, локалы, ателье...», не имѣютъ ни малѣйшаго основанія отвергнуть слова, выписанныя мною изъ французскаго словаря: они столь же ненужны и столь же оскорбительны и для русскаго, и для французскаго слуха. Еще какихъ-нибудь 20 лѣтъ назадъ мы посылали приглашенія «личныя», жили въ «гостиницахъ», были плохо или хорошо «освѣдомлены» и только буфетчики, бессознательно блюдя преданіе XVIII вѣка, «сервировали» столъ на 24 «персоны». При такой рѣзвости въ замѣнъ русскіхъ словъ иностранными, что же останется чрезъ 50 лѣтъ отъ русскаго языка? Можно подумать, что наша цѣль оставить въ «русскомъ» языкѣ только «замоваръ», «водки», «закуска» и... «нитшево».

Не пора ли опомниться? Вѣдь мы отравляемъ нашъ языкъ, прививаемъ ему смертельную болѣзнь.

Причины болѣзни.

Выше сказано, что нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній для подобнаго заполненія нашего языка иностранными словами. Но тогда чѣмъ же объясняется это явленіе? Постараюсь кратко перечислить побужденія, руководящія, — большей частью бессознательно, — людьми въ этомъ процессѣ.

1. *Снобизмъ*, самый обычный, — *классовый*. «Господа» говорятъ по французски, служащіе улавливаютъ слово *merci* и превращаютъ его въ отвратительное «мерси» — чрезъ *ѣ* и съ мягкимъ знакомъ. Такъ же, очевидно, зародилось обращеніе «мадамъ»: хочеть человекъ показать свѣтскую утонченность и не подозреваетъ, какимъ духомъ вульгарности *) обдаеть онъ свою собесѣдницу. А

*) За слова «вульгарность» и «снобизмъ» прощу меня не винить: перваго еще Пушкинъ перевести не могъ; для понятія снобизма у насъ слова нѣтъ (не потому ли, что снобизма у насъ вообще меньше, чѣмъ у иностранцевъ, хоть снобизмомъ обратнымъ страдаютъ весьма многіе).

прекрасное «сударыня» предано забвенію. У газетныхъ хроникеровъ при описаніи петербургскихъ великосвѣтскихъ баловъ переднія превращались въ «вестибули», занавѣси въ «гардины» и «портьеры», гостинья въ «салоны»; лѣстницы, правда, оставались, но состояли не изъ ступеней, а изъ «маршей» и т. д.

2. *Снобизмъ*, такъ сказать, *интеллигентный*. Мало того, что я начитанъ въ иностранной литературѣ даннаго вопроса, — надо, чтобы сразу всѣ это почувствовали, какъ только раскроютъ мое «введеніе» или услышатъ съ кафедръ мои первыя слова. Для научной ясности и точности было бы достаточно, приведя или создавъ русское слово, поставить въ скобкахъ иностранное; но авторы предпочитаютъ транскрипцію, — ученѣе-де выходить. Если я студентъ, впервые выступающій въ печати, то ужъ, конечно, долженъ выложить весь запасъ учено звучащихъ словъ: пусть чувствуютъ, если не по содержанію, такъ по техническимъ словамъ, что я спеціалистъ. (Очевидно, я не утверждаю, будто люди задаются подобной *целью*; но одни прямо мыслятъ вычитанными иностранными словами, другому подсознаніе шепчетъ: «Совсѣмъ по настоящему вышло, какъ у самого профессора», и онъ спѣшитъ дальше злоупотреблять техническими словами, въ ущербъ родному языку и нерѣдко въ ущербъ ясности). «Мобилизація, концентрація, эксплуатація побѣды...» сыплеть словечки авторъ статьи на военную тему... Безъ «мобилизаціи» не обойдешься, разъ это терминъ закона и уставовъ, но *сосредоточить* войска безъ путаницы и *использовать* побѣду безконечно трудно только на дѣлѣ; мысль же о томъ и о другомъ проще простого: ни «концентрація», ни «эксплоатація» на дѣлѣ не помогутъ, а въ изложеніи только затемняютъ. Извѣстно, — чѣмъ яснѣе мысль въ головѣ автора, тѣмъ проще изложеніе *).

Тотъ же интеллигентный снобизмъ наблюдается въ области политической мысли. Если П. Н. Милюковъ говорить: «при данной конъюнктурѣ», можетъ ли третьесте-

*) Для «мобилизаціи» было бы прекрасное русское слово «ополченіе» (вся Русь ополчилась, объявлено ополченіе казанскаго округа...), еслибъ законъ не придалъ ему другого значенія.

ненный общественный дѣятель устоять отъ соблазна повторить его словечко? А вѣдь не хитро замѣнить послѣднее, и даже болѣе точными выраженіями: «при данномъ сочетаніи политическихъ (или финансовыхъ) силъ», «при такой политической обстановкѣ...»

Особый отгѣнокъ снобизма по адресу Запада сказался въ нашемъ парламентскомъ языкѣ. Законодатель далъ дивное названіе «Государственная Дума»; и все же находились любители говорить о «камерѣ депутатовъ». Иные изъ первыхъ думцевъ, какъ дѣти, забавлялись игрой въ западныхъ парламентаріевъ: все какъ у тѣхъ: «вотировали», получали «мандаты», «делегировали», собирали «пленумъ», «дебатировали» вопросъ о «сеніоренъ-конвентѣ»..., когда можно было бы попросту голосовать, имѣть полномочіе, посылать представителя, вести пренія, обсуждать вопросъ, созывать общія собранія или избирать совѣтъ старшинъ *).

М. И. Драгомировъ, посмѣиваясь надъ дѣланной воинственностью, говорить, что иной генераль и стакана воды выпить не можетъ, не поглядѣвъ на него, да кстати и на окружающихъ, повелительнымъ взоромъ. Такъ и иные общественные дѣятели должны на самое простое дѣйствіе свое навести налетъ какой-то своеобразной значительности: комитетъ долженъ «сконструироваться», кого-нибудь надо «кооптировать...» и съ кѣмъ-либо надо «солидаризироваться». Надо опросить бѣженцевъ, кому какой требуется заработокъ; чего проще — послать имъ опросные листки. Какъ бы не такъ! Листы должны быть «анкетные». Тамъ игра въ полководца, здѣсь въ общественность. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы родной языкъ не пакостило.

3. *Снобизмъ ради торговой рекламы* по примѣру «портного Иванова изъ Парижа». Гостиниць много, старое... назову-ка свою «отелемъ»; будутъ думать, что сортомъ выше. И циркъ въ уѣздномъ городѣ расклеиваетъ не объявленія, а «анонсы».

4. *Полунинтеллигентность* особенно обостряетъ страсть къ иностраннымъ словечкамъ. Помню первое появленіе

*) «Старшину», какъ говорилось въ Малороссіи XVII вѣка или «господу», какъ говаривалъ Новгородъ Великій.

автомобилія въ имѣніи: съ какимъ презрѣніемъ къ столпившимся крестьянамъ выпаливалъ столичный парень-шоферъ названія его частей. «А ну-ка, повтори, говорю мужику, «радіаторъ». «И не выговоришь... А онъ для ча этотъ самый рад...» Объясняю: вѣтерокъ продуваетъ, охлаждаетъ воду... «Холодильникъ, значить». Ясно, что понялъ и запомнилъ навсегда. Вотъ вамъ и готовое техническое названіе. Одинъ мой знакомый командиръ крейсера входитъ на мостикъ. «Какъ у васъ тутъ?», спрашиваетъ онъ лоцмана. Тотъ посмотрѣлъ мрачно на небо. «Можно ожидать сегодня обильное выпаденіе гидрометеоровъ». Это означало, что будетъ дождь. Не мудреное дѣло подкожное впрыскиваніе, — это и мы съ вами сумѣемъ. А вотъ фершалъ говорить: «Ему надо субдермическую инъекцію произвести...» Накось, выкуси!

5. *Нерящество*, распущенность. Сидитъ корреспондентъ въ парижскомъ кафе, читаетъ газету: «*La collecte nationale pour l'aviation a donné deux millions*». Гдѣ тутъ думать надъ переводомъ... и столикъ-то крохотный. Въ Петербургъ посылается телеграмма: «Національная коллекта на авіацію дала два милліона». На слѣдующій день 50 000 подписчиковъ узнаютъ, что существуетъ слово «коллекта». (Такой случай дѣйствительно былъ).

6. Злоупотребленіе отличающимъ насъ даромъ проникаться чужой мыслью, чужими ощущеніями, переживаніями; въ частности *злоупотребленіе* нашими *филологическими способностями*.

7. *Неразвитость чувства красоты*. Если человекъ не чувствуетъ, что «мерси» вульгарно, что слова «ансамбль» или «финансы» (съ носовымъ н) уродство, то этого ему не объяснишь, какъ не объяснишь безвкусной хозяйкѣ, что ея гостинная безвкусна.

8. *Намѣренное затемненіе понятій*. Научить обокрасть, ограбить банкъ? Это трудно: совѣсть подскажетъ ученику, что грабить нехорошо... «Эхъ ты, деревня! Нешто это грабежъ? Не грабежъ, грядъ тебѣ, — экспроприация». Не малая доля успѣховъ пропагандной литературы основана на этомъ приѣмѣ затемненія разсудка. Новый классическій примѣръ: «миръ безъ анексий и кон-

трибунций». Русский языкъ «правдивъ»: онъ говоритъ: «погромъ, распоролъ животы, заперли дверь и сожгли живьемъ». Но если это дѣлали съ «нашей» стороны, то надо сказать: «не обошлось безъ эксцессовъ». Пристрѣлили, какъ собаку? Нѣтъ: «ликвидировали».

9. *Преднамеренная работа по уничтоженію русскаго языка для цѣлей интернаціонала.* Послѣ явной работы въ этомъ направленіи большевиковъ, не можетъ быть сомнѣнія, что она въ скрытомъ видѣ существовала и раньше. Большевики не вчера родились и не все, за что ихъ ругаютъ, съ нихъ зачалось.

И подо всеѣмъ этимъ одна общая основа — недостатокъ или извращенность патриотическаго сознанія *).

Возраженія.

Надъ движеніемъ въ пользу очищенія языка посмѣиваются: «Очистители!» «Обрусители!» Что же выставляютъ противъ?

1. «Мокроступы». Но когда же неудачное примѣненіе принципа дѣлало самый принципъ ложнымъ?

2. «Изгонять слова чужихъ корней, значить отказываться отъ половины словъ». Да вѣдь никто такой глупости и не предлагаетъ. Если выметать корни, мочки которыхъ филологическія изысканія находятъ въ другихъ языкахъ, то не только отъ русскаго, но и отъ всякаго другого языка, мало что уцѣлѣетъ. Уцѣлѣетъ развѣ санскритскій и то потому, что про сію общую старшую сестру нашу мы кое-что знаемъ, а отъ индо-германской «мамаши» документа не осталось. Отметать надо не корни, а слова излишнія и слова, по звуку своему, не могущія стать русскими.

3. «Языкъ долженъ измѣняться, давая мѣсто новымъ понятіямъ». Несомнѣнно, ибо если онъ не будетъ измѣняться, онъ погибнетъ. Погибнетъ онъ, однако, и въ томъ

*) Подразумѣваю извращенность въ лѣвую сторону: черносотенство — что другое — *языку* вреда не принесло; здѣсь скорѣе можно подмѣтить желаніе народничать и склонность къ стародавнимъ словамъ.

случаѣ, если измѣненіе будетъ неправильнымъ или слишкомъ поспѣшнымъ. Въ языкѣ, какъ и во всемъ, развитіе есть слѣдствие *уравновѣшеннаго сочетанія охранительныхъ и поступательныхъ силъ*. (Кто этой азбучной истины не понималъ, авось понялъ теперь, послѣ 1917-го года). Правильное измѣненіе языка заключается въ постепенномъ отрастаніи *новыхъ* листьевъ и вѣтвей на *прежнихъ* вѣтвяхъ, питаемыхъ прежними корнями и въ постепенномъ же отпаденіи или отсѣченіи естественно отмершихъ частей. Прививка законна лишь, какъ исключительное явленіе: прививать надо лучшіе соки и когда въ своихъ недохватъ. Оскорбительно считать, будто всякій латинскій корень лучше русскаго. Оскорбительно думать, будто стволъ и корень нашего языка безсильны: они такъ могучи, что почти всегда легко породятъ для новаго понятія новое слово. Величайшая требуется точность въ богословскомъ языкѣ; нашли же наши далекіе предки родныя слова для передачи всѣхъ тонкостей греческой и латинской церковной терминологіи: и «единосущный», и «пресуществленіе», и «преизбыточествующая благодать» *). И Ломоносовъ нашелъ слова для русской грамматики.

4. «Нельзя», отвѣчаютъ, «стѣснять свободное развитіе языка». *Очевидно, нельзя*. Но въ этомъ возраженіи (оно важнѣйшее) сказывается столь обычное для русскихъ людей *смѣшеніе понятій свободы и разнузданности*.

Каждое слово имѣло своего автора. Но человекъ свободенъ *родить* слово, дать же ему *жить* не въ его власти. Приметъ ли «мое» слово моя семья? Перейдетъ ли оно изъ нашей избы въ сосѣдную, привѣтся ли по всему поселку, перекинется ли въ село, разнесетъ ли его артель

*) Славянскій языкъ признанъ достойнымъ къ употребленію на литургіи папой Іоанномъ VIII не позднеѣ 880 г.; папа этотъ, по отношенію къ нашимъ предкамъ, былъ иноплеменникомъ (родомъ изъ города Рима); цѣлыхъ 7 столѣтій только три языка раздѣляли въ Европѣ эту честь со славянскимъ. А вотъ, теперешніе *русскіе* богословы никакъ не могутъ обойтись безъ ненужной латинизации своей рѣчи. Н. А. Бердяевъ видитъ, напр., какой-то особый смыслъ въ повтореніи слова «сакральный» 4 раза на 2 строкахъ («Путь», II, 28).

дровосѣковъ или землекоповъ по всей округѣ? Это зависитъ не отъ меня, а отъ каждаго, впервые услышавшаго слово, и не только въ день его появленія, а въ каждый день въ теченіе столѣтій. И если этотъ плебисцитъ, — въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ дѣйствительно неподкупный, свободный и дѣйствительно демократичный, — проголосуетъ за данное слово, то пройдутъ вѣка и Даль запишетъ его, помѣтивъ «костр.» или «новг.». А чтобы слову войти въ общій русскій языкъ, какой требовался искусъ? Зародившись въ лѣсу Новгородскаго края, оно должно было на ладѣ плыть и къ Кіеву, и за Казань; ему надо было упасть сѣменемъ на Днѣпровскихъ и на Волжскихъ пристаняхъ, подняться оттуда по притокамъ, тянуться въ ободахъ по большакамъ и шляхамъ, пройти съ котомкой проселками; прижиться и въ избѣ, и въ разбойничьей шайкѣ за Ураломъ, и въ княжой дружинѣ; прозвучать съ амвона и запечатлѣться на столбцѣ московскаго приказа дьяка. Это ли не искусъ, не провѣрка, не опека и не . . . запретъ для тысячъ и тысячъ словъ! Такая опека требовательнѣе даже Французской Академіи. Такъ чеканилась русскія слова, и если-бъ нынѣ иностраннымъ словамъ была предоставлена у насъ лишь эта свобода, я бы не тревожился и не болѣлъ душой за русскій языкъ: не много бы этихъ словъ прошло сквозь частое, разборчивое народное сито *).

Но теперь, увы, не то. Теперь налицо могучее орудіе порчи языка — газета. Та «коллекта» неряшливаго переводчика, о коей выше, не замерла въ ухахъ удивленнаго или насмѣшливаго собесѣдника; ни пространство, ни время не воздвигли ей преградъ: ее на слѣдующій же день прочли десятки тысячъ людей и среди нихъ нашлись, конечно, столь же неряшливые и лѣнныя мозги, на которыхъ она отленила, послушно отпечаталась такъ же, какъ

*) Насколько туго простой народъ воспринимаетъ чужеземныя слова видно на примѣрѣ словъ военнаго быта: уже 7 поколѣній обучаются на службѣ слову «генераль»; за послѣднія 50 лѣтъ, чрезъ это обученіе проходятъ ежегодно сотни тысячъ людей, слово это произзываетъ весь служебный бытъ и не такъ ужъ оно плохо звучитъ по-русски, а все же «енераль» и «енараль» еще не умерли. А «антилерія» будетъ процвѣтать еще десятки лѣтъ.

наканунѣ отпечаталась на газетной бумагѣ. Думаютъ ли гг. журналисты объ этомъ печальномъ воздѣйствіи газеты?

Итакъ, прежде чѣмъ возражать доводомъ о «свободѣ», надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что свобода въ данномъ случаѣ означаетъ. Противопологать «охранительное начало» «свободному развитію» есть логическая ошибка, — это есть противоположеніе одного слагаемаго не другому, а суммѣ. Охранительному началу противоположно не развитіе, а начало, разрушающее современное состояніе языка. Силы охраняющія и силы разрушающія въ равной мѣрѣ свободно входятъ въ процессъ развитія, какъ «производящія» этого процесса и лишь ихъ взаимодействіе даетъ «равнодѣйствующую», — свободное развитіе языка.

Изъ приведенныхъ же выше примѣровъ ясно, что прививка ненужныхъ иностранныхъ словъ именно нарушаетъ свободное развитіе.

5. Возражаютъ еще: пользованіе греческими и латинскими словами законно, — это дань благодарности первоисточникамъ нашей культуры. Да, — пользованіе, но не злоупотребленіе. Когда слишкомъ восторженная особа говорить: «Какіе блины намъ сготовила Марья Семеновна, ну ко-лос-с-сально вкусно!», то воздастъ ли она этимъ дань Элладѣ? Въ этомъ случаѣ «колоссально» не греческаго, а . . . нѣмецкаго происхожденія, и она лишь переноситъ въ русскій языкъ распущенный оборотъ нѣмецкаго «жаргона».

6. Ссылаются на то, что у такого-то великаго писателя данное слово имѣется. Авторитетъ авторитетомъ, но догмата безошибочности писателя, хотя бы и Гоголя, я не исповѣдую. Можетъ ли быть, чтобы въ томахъ писанія чело-вѣкъ иной разъ не промахнулся? Къ тому же и значительный талантъ не исключаетъ отсутствія вкуса; вспомните «Русалокъ» Маковского, инныя стихотворенія Майкова. У Толстого есть «гардины», у Гоголя «колоссальный». Если послѣднее обстоятельство для васъ законъ, то примите и его знаменитую «амбру».

7. Далѣе идутъ возраженія партійнаго свойства, — по части «черносотенства», «некультурности», «квасного

патріотизма» и т. д. Отвѣчу ссылкой на иностранцевъ, — они до квасу не охочи.

Французская Академія, какъ любящій и строгій садовникъ, ревниво блюдетъ чистоту родного языка; то же дѣлала флорентійская Crusca, отвѣвавшая мякину отъ зерна. Когда Муссолини затѣвалъ новый видъ полиціи въ Римѣ, появилась въ газетѣ статья виднаго филолога о томъ, какъ правильнѣе назвать новую полицію, urbana или municipale? (Представляете ли вы себѣ русскаго академика, спустившагося съ Олімпа для такого «уличнаго» вопроса?). Въ итальянскихъ газетахъ иностранныя слова рѣдчайшее явленіе; ихъ печатають курсивомъ. Въ Варшавѣ, до войны еще, было обѣщано 2.000 рублей тому, кто придумаетъ удачное польское слово взамѣнъ слова шоферъ. (Кстати, возродилась ли бы Польша, не обереги народъ своего языка за полтора вѣка иноземнаго господства?). А вотъ переводъ съ нѣмецкаго изъ предисловія въ книгѣ профессора д-ра Дейке; она ничего общаго съ политикой не имѣетъ, ибо книга его... руководство къ лѣченію туберкулеза. «Ничуть не отказываясь отъ употребленія привычныхъ и удобныхъ спеціальныхъ выраженій, я старался всемѣрно ограничить число иностранныхъ терминовъ, такъ часто безконечно затрудняющихъ непосвященному врачу пониманіе научныхъ работъ...; у меня самого во время этой работы сложилось впечатлѣніе, что нѣмецкій языкъ достаточно богатъ, чтобъ отказаться отъ большинства иностранныхъ словъ и что твердое желаніе освободиться отъ груза такой кажущейся учености (курсивъ нашъ) благопріятно вліяетъ на ясное и трезвое изложеніе...». Черезъ 3 года во 2-мъ изданіи авторъ говоритъ: «Въ особенности радуется меня, что съ разныхъ сторонъ было оцѣнено и признано мое стремленіе излагать яснымъ и доступнымъ нѣмецкимъ языкомъ данныя научнаго опыта и знанія». «Съ разныхъ сторонъ», — это, очевидно, все же изъ врачебной среды. А у насъ врачи особенно отличаются пристрастіемъ къ глаголамъ на *уроватъ* и къ существительнымъ на *ація* и *ментъ*.

Отъ иностранцевъ, говорящихъ по-русски, не разъ приходилось слышать возмущенный отзывъ о томъ, какъ газеты портятъ русскій языкъ. Однажды польская га-

зета заявила, что языкъ нашъ слишкомъ бѣденъ для выраженія современныхъ культурныхъ понятій и вынужденъ прибѣгать къ заимствованіямъ. А. В. Амфитеатровъ отвѣтилъ статьёй безъ единого иностраннаго слова. «Мы знаемъ, отвѣтили въ свою очередь поляки, что г. Амфитеатровъ прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ, но пусть заглянетъ въ сосѣдніе столбцы». Е. Haumant въ своей «Culture française en Russie» смѣется надъ русскими переводами; ихъ правильнѣе назвать транскрипціями.

Нѣтъ, среди иностранцевъ наша погоня за иностранными словами сочувствія не найдетъ: они любятъ, берегутъ и холятъ родную рѣчь и скорѣе Сена вспять потечетъ, чѣмъ французскій писатель оскорбитъ свой языкъ, включивъ въ него... какое-либо «*nравstvein odobrène*».

Наконецъ, связывать склонность къ злоупотребленію иноземными словами съ понятіемъ культурности неправильно. Возьмите любой отзывъ уѣздной газетки о концертѣ, выставкѣ картинъ: безсодержательныя разглагольствованія неизмѣнно будутъ уснащены «экспрессивностью» и «колоритностью». Если иной профессоръ подверженъ разбираемому недостатку, по выраженію д-ра Дейке, ради «кажущейся учености», то среди людей болѣе низкаго образовательнаго уровня, найдемъ приверженцевъ иностранныхъ словъ ради кажущихся знаній, кажущейся начитанности, кажущейся образованности, ради мнимаго знанія языковъ, мнимой свѣтскости, мнимой тонкости и изысканности. «Если ужъ мнѣ суждено чрезъ мою фамилію плясуна собою изображать, говорить Видоплясовъ (лакей «Села Степанчикова»), такъ ужъ пусть было бы облагорожено по иностранному: Танцевъ-съ».

Съ вершинъ же русскаго знанія и за послѣдніе 50 лѣтъ вѣтъ чистымъ русскимъ языкомъ. Чистымъ, хоть и тяжелымъ языкомъ писалъ Менделѣевъ, чистымъ писали Ключевскій, Владиміръ Соловьевъ. Послѣдній заботился объ очищеніи русскаго философскаго языка*).

*) При сравненіи одной его небольшой статьи въ двухъ разныхъ изданіяхъ, въ позднѣйшемъ оказалось на 23 иностранныхъ слова меньше. Слышалъ отъ А. П. Соломона (переводчика Данте), но запомнилъ, въ какой это статьѣ онъ подсчитывалъ.

Присмотритесь, и увидите, что люди большого дарования — и беллетристы, и публицисты, и ораторы — писали и говорили «чище» большинства.

Дальнейшая опасность.

Итак, *культуры* злоупотребление иностранными словами не доказывает, зато оно:

1. Вызывает у иностранцев (да и у иных русских) представление, будто наш язык не дорос до потребностей современной культурной жизни;
2. Ведет к отмиранию множества родных слов огромной красоты, большой тонкости и содержательности;
3. Искажает звук русской рѣчи;
4. Часто затемняет ее смысл;
5. Влияет отрицательно на логичность мышления русского человека.

Обо всем этом уже сказано подробнѣе выше. Добавим еще:

6. *Углубляет разрыв между образованным слоем и простонародьем.* Худо ли, хорошо ли, но я говорю на пяти языкахъ, разбиралъ когда-то Одиссею и еще теперь разбираюсь въ Юліи Цезарѣ; но, признаюсь, инья газетныя словечки мнѣ невдомекъ. Что же они для простого человека? «Пробовалъ брать книги въ читальнѣ, да все по иностранному пишутъ», сказалъ мнѣ однажды бывший старшій полковой писарь, т. е. человекъ завѣдомо весьма толковый. Думать, что постепенное проникновение заимствованныхъ словъ въ народную гущу улучшить дѣло, ошибочно, ибо при незнаніи иностраннаго языка отдѣльныя его слова воспринимаются въ неточномъ, иногда въ совершенно искаженномъ, смыслѣ. Это замѣтно даже у образованныхъ людей *); въ деревнѣ получится полная

*) Часто подмѣчалъ, что подъ «русскимъ» словомъ «вульгарность» собеседникъ понимаетъ нѣчто иное, чѣмъ то, что это слово означаетъ по англійски и по французски. У насъ любить «третировать»; по французски третировать нельзя, ибо *traiter* почти всегда *vox media*: можно *traiter* кого-либо или *bien*, *avec égard*, *en ami* или *mal*, *en canaille*, *de fou*. (Просто *traiter* кого-либо будетъ означать угощать его за своимъ столомъ). Амундсѣй законъ почему-то называлъ ременное снаряженіе солдата; газеты съ первыхъ дней войны превратили эти ремни въ пат-

неразбериха, въ родѣ «республики, но съ царемъ». «Вы это для престижа вашего общества сдѣлать должны». «Да вы насъ не пристыжайте, — мы, кажись, ничаво плохого не просимъ, все по закону...».

7. *Возводитъ стѣну между прошлой и будущей Россіей.* «Русская часть» современнаго письменнаго языка у людей, вполнѣ грамотно пишущихъ, почти не отличается отъ языка, на которомъ писали сто лѣтъ назадъ. Въ «Героѣ нашего времени» лишь два устарѣвшихъ нынѣ выраженія. Стѣна выросла именно отъ нагроможденія заимствованій. Если наплывъ чужихъ словъ не остановится, то чрезъ 50 лѣтъ Пушкина будутъ читать со словаремъ. Какъ же тогда станетъ будущая Россія питаться здоровыми соками своего былого? И люди, не могущіе читать Пушкина, будутъ ли уже русскими? «Не угадывайте, гласить одно польское реченье, не гасите старыхъ алтарей: на нихъ священный еще горитъ огонь».

Правильное и неправильное заимствование словъ.

Ясно, — необходимо поставить преграду дальнѣйшему наплыву иностранныхъ словъ. Ясно, — надо проникнуться твердымъ желаніемъ выкорчевать, неправильно прилипшія къ намъ слова. Но какія «неправильно» прилипли, какія «законно» привились? Это рѣшить когда-нибудь, будемъ надѣяться, Россійская Академія Наукъ; я же позволю себѣ высказать нѣсколько любительскихъ соображеній.

Полагаю, что при рѣшеніи этого вопроса надо принять во вниманіе три признака: значеніе слова, звукъ его и практическія требованія жизни.

Оружія и снаряды, — въ боевые припасы. Вѣроятно, недостаточнымъ знаніемъ иностраннаго языка объясняются такія, поразительныя не только по уродству, но и по безсмысленности, выраженія какъ: «экспрессивная выразительность», «гуманность и человеколюбіе», «оттѣнки и нюансы»; беру ихъ изъ газетъ, а въ учебникѣ нахожу: «обиліе деталей и подробностей» (Садовникъ, «Оч. по ист. русск. лит. XIX в.», ч. 2). Одинъ изъ героевъ въ «Хожденіи по мукамъ» прелестно поучаетъ свою сестру: «Ты, Лиза, ко всему тому чрезвычайно неорганизована въ области половой сферы».

А) *Значеніе словъ.*

1. Неприемлемо иностранное слово, имѣющее уже въ русскомъ языкѣ *соответствующее ему и тождественное слово.*

Въ самомъ дѣлѣ, сможетъ ли человекъ, отвѣчающій на вопросъ: «Куда вы идете?» «Иду въ отель», дать какое-либо разумное объясненіе, почему онъ сказалъ «отель», а не «гостиница»? Слово исконныхъ русскихъ словъ, отъ коихъ вѣсть еще кievской и новгородской стариной: «Садко, богатый гость», «гостинная сотня»...; и еще Добрый Самарянинъ договорился съ «гостильникомъ». Почему же вдругъ «отель»? Что случилось? Какая надобность, въ чемъ причина? Да ни въ чемъ, просто распушенность, плохая привычка. Anunciare значитъ «объявлять»; «annonse» — объявленіе: между словами «анонсъ» и «объявленіе» знакъ равенства. Слѣдовательно, говоря «анонсъ», вы хотите сказать: «объявленіе». Такъ тогда и говорите: «объявленіе». Хотите сказать «тождественный», «подлинный», «личный», — зачѣмъ же говорите «идентичный», «автентичный», «персональный...»? Такія слова незаслуженныя *пощечины* родному языку.

Вотъ, въ дополненіе къ примѣрамъ, разбросаннымъ по всей статьѣ, небольшой списокъ подобныхъ словъ.

Алексировать, алексія
Аплодировать
Аргументъ
Атракціонъ
Депрессія
Диксіонеръ
Иммортель (есть у А. Бълаго)

Импортъ и экспортъ съ производными отъ нихъ прилагательными и глаголами.

Индиферентность
Индустрія

Присоединить, присоединеніе.
Рукоплекать.
Доводъ.
Приманка.
Подавленность.
Словарь.
Сухоцвѣтъ.

Ввозъ и вывозъ съ ихъ прилагательными и глаголами. Когда есть «ввозъ» и «вывозъ», то чѣмъ объяснить примѣненіе этихъ заимствованій, коли не тѣмъ, что по слову Пушкина «Мы любимъ... чужихъ нарѣчій погремущи»?

Безразличіе.
Промышленность. Если не ясно, добавьте при первомъ упоминаніи «обрабатывающая».

Колье
Комбинація
Компенсація

Координировать
Коррективъ

Криптъ
Лагуна (!)
Манускриптъ
Медикаментъ

Мерси; слыхаль даже «грантъ мерси».

Мемуары
Миражъ
Монументъ
Оккупировать, оккупация
Оригиналъ (о рукописи)
Пресса

Примать
Репродукція
Рецепція
Толерантность
Фатальный
Штрафъ
Экспериментъ

Ожерелье.
Сочетаніе.

Возмѣщеніе. Теперь газеты почему-то не въ силахъ коснуться ни одного международнаго вопроса, чтобы не перейти на иностранный языкъ, точнѣе — на иностранные языки.

Согласовать.
Поправка. Вѣдь принято же вводить въ алгебраическія формулы «поправку на» температуру и т. п.

Склепъ.
Пробѣлъ.
Рукопись.
Лѣкарства.

Развѣ русскому человеку чуждо чувство благодарности? Развѣ «спасибо» не удобное краткое слово, къ тому же благороднаго происхожденія («Спаси тебя Богъ»)? Не даромъ большевики его «запретили» и приказали «мерскать». Чтобы окзаться на высотѣ языка собеседника, на «мерси» надо отвѣтить: «падекуа» или «силъвуилѣ».

Воспоминанія.
Маревъ.
Памятникъ.
Занять, занятіе.
Подлинникъ.

Печать. Однѣ газеты даютъ отдѣлу заголовокъ «Печать» и вѣдь читатели понимаютъ; почему же другія тотъ же отдѣлъ озаглавливаютъ «Пресса»? Развѣ ихъ читатели менѣе понятливы?

Первенство.
Воспроизведеніе.
Воспріятіе.
Терпимость.
Роковой.
Нея (см. «Русскую Правду»).
Опытъ.

Экстраординарные доходы Чрезвычайные. Полагаю, что и для степеней профессорскаго званія не трудно найти иныя названія: ни ученость, ни заслуги профессора отъ сего не страдают. Излишества.

Экцессы

2. Оскорбленіемъ русскому языку является и то слово, которое не имѣетъ *одного* равнозначащаго по-русски, но можетъ быть выражено въ каждомъ данномъ случаѣ *однимъ изъ цѣлаго ряда словъ*.

Выше я привелъ для замѣны «дефекта» 12 словъ на выборъ и указалъ, что всегдашнее предпочтеніе одного и того же слова выбору то одного, то другого изъ 12-ти является шагомъ назадъ въ мыслительной работѣ. Вотъ для примѣра рядъ подобныхъ неосновательныхъ заимствованій:

Анкета Слѣдствіе, дознаніе; опросъ, допросъ; справка.

Ароматъ Съ этимъ словомъ въ обычной рѣчи можно помириться, но сколько стихотвореній имъ испорчено. Благоуханье, благоволеніе; «свѣжій духъ березы» (А. Толстой), «сирени» (Тютчевъ) или (см. ниже п. 3) распространенные обороты: запахъ легкой, нѣжный, благовонный. Видъ; картина; обличіе.

Аспект Видъ; картина; обличіе.

Варьировать (!) Разнообразить, видоизмѣнять, (ся); «цѣны варьируютъ» — колеблется отъ — до.

Вуалировать (!) Вкладывать.

Депонировать Заволакивать; прикрывать.

Доминировать (!) Господствовать; главенствовать; преобладать, верховодить, вѣнчать (красота-то какая!); царствовать.

Имитировать Подражать, передразнивать.

Импонировать У Достоевскаго: «Одинъ былъ тотъ самый, чрезвычайно внушавшій вѣсьмъ господнигъ въ сажень ростомъ».

Калькулировать (!) Считать, разсчитывать, соображать, прикидывать.

Констатировать «Отдать долгъ покойному, констатируетъ «Красная Газета», явились предста- вители...»

Конструировать хотеть кто-то русскій центръ въ Парижѣ!

Контактъ «работать въ контактѣ» «войти въ контактъ»

Контуръ
Конфликтъ

Концепировать «Парламентъ въ моментъ своего учрежденія былъ концепированъ, какъ органъ контроля...»

Лимитрофы (!)

Натуральный
Одіозный

Опубликовать

Патронъ
Превалировать (!)

Установить. Зачѣмъ тутъ понадобилось «констатировать», вмѣсто «отмѣчаетъ»?

Создать, образоватъ.

Соприкосновеніе; — въ связи; — въ связь. Отряды или ихъ начальники «вступаютъ въ связь» съ сосѣдними отрядами или начальниками или «устанавливаютъ связь». Служба «связи» — отдѣлъ полевой службы. Очертанія. Столкновеніе; недоразумѣніе; стычка. Задумывать; осознать.

былъ задуманъ, былъ понимаемъ.

Пограничныя, окраинныя государства.

Естественный, природный. Ненавистный. Гадкій, гнусный, мерзкій, омерзительный, отвратительный, отвратный, пакостный, поганый, паршивый, противный, претящій, скверный. Развѣ малъ выборъ? И замѣйте: если превеситъ власть губернаторъ, оскорбитъ рабочаго десятскій, это будетъ «одіозно»; но прочесть это слово, когда говорится о томъ, что рабочіе вывезли инженера на тачкѣ или пьяные матросы избили офицера, мнѣ не приходилось.

Обнародовать; часто еще проще: напечатать.

Хозяинъ. Превосходить, преобладать, главенствовать или обороты съ «преимущественно», съ «большинство», «по большей части», «главнымъ образомъ» и пр.

«Нравственная преваляція»	Превоєходство.
Персональ	Личный составъ.
Реагировать	Отзываться; отвѣчать.
Режимъ	Часто можно съ успѣхомъ замѣнить: «строй», «укладъ» и др.
Реконструкция	Возстановленіе; воспроизведеніе.
«Великое дѣло реконструкція націи...», восклицаетъ какой-то не французскій, а русскій патриотъ.	Согласенъ съ симъ изреченіемъ, но бѣда въ томъ, что народъ безъ собственнаго языка не мыслимъ и на чужомъ его не возсоздашь.
Реставрація	Возстановленіе, возсозданіе.
государственности	
Ресурсы (въ вопросахъ).	Источники (если не всегда, то часто).
Скрупулезный	Совѣстливый; щепетильный (хотя первоначальное значеніе «щепетильный» — «мелочной»).
Солидный	Прочный, надежный; степенный.
Суммарный	Обороты съ «итогъ», «общій счетъ», «общая сложность», «цѣлый» и проч.
Структура	Строеніе, построеніе.
Фронтъ	Паразитально, какъ обѣднѣлъ газетный языкъ: на каждой страницѣ находишь все тѣ же образы, обороты, тѣ же набившія оскомину словечки. — «Фронтъ» одно изъ нихъ.
Шевелюра (есть у Короленки)	Волоса, кудри; обыкновенно при этомъ подразумеваютъ чрезмерное обиліе волосъ и ихъ растрепанность: шапка, копна волосъ.
Элиминировать	От-у-странить; удалить; выдѣлить; отметить.

3. Если по русски нѣтъ отдѣльныхъ соответствующихъ словъ, то можно найти *сочетаніе двухъ-трехъ словъ*, которое передастъ смыслъ одного иностраннаго. Буде и этого цельзя, придется иногда выбрать другой образъ сравненія, иногда измѣнить строй предложенія, переведа его, налримѣръ, съ дѣйствительнаго залога на страдательный. Гибкость нашего языка даетъ выходъ почти всегда; надо только пожелать найти его. Нужды нѣтъ, что иногда придется удлиннить предложеніе; вѣдь языкъ нашъ вообще сжатѣе другихъ. «По-русски достаточно, говорить

Mérimé, одного слова, чтобы совмѣстить нѣсколько понятій, кои въ другомъ языкѣ потребовали бы цѣлыхъ предложеній». Такъ не бѣда, если изрѣдка, въ видѣ исключенія, мы добавимъ лишнюю строчку.

4. Когда имѣется уже одно заимствованное слово, не слѣдуетъ вводить для того же понятія другое, иностранное же. Если звели «процессію» (вмѣсто «шествія»), то зачѣмъ же еще уродливый «кортежъ» («кортешъ» или «кортэжъ»). Если есть «семинарія», «депутать», «мастерская» (вполнѣ обрусѣвшее), то къ чему еще «семинаръ», «делегать» и отвратительныя «ателье» или «увруаръ»? Что достигается этимъ, если не забвеніе русскихъ словъ, постепенное упраздненіе русскаго языка?

5. Заимствованное слово можетъ оказаться необходимымъ въ *данной области*. Тогда примѣненіе его надо ограничить именно ею. Говорятъ, «ситуація» въ философскомъ языкѣ означаетъ иное, чѣмъ «положеніе»; ну, тогда и пишите «ситуація» въ тѣхъ недоступныхъ простымъ смертнымъ книгахъ, кои читаются одной тысячею людей; но если вы въ жизни попали въ трудное, опасное или глупое положеніе, то и пишите «положеніе», а не «ситуація». Сомнѣваюсь, чтобъ курсъ франка надо было именно «стабилизировать»; но допустимъ, что такъ: изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что самолетъ долженъ имѣть «стабилизирующія плоскости», ибо онъ ничуть не хуже станетъ летать, коли его снабдить «плоскостями устойчивости».

6. Данное заимствованное слово можетъ оказаться незамѣнимымъ въ *данномъ* предложеніи; но если въ *другомъ* является возможнымъ примѣнить вмѣсто него русское, — то и надо поставить русское. Если (предположимъ), говоря объ оперѣ, требуется сказать «мотивъ», то а) говоря о пѣснѣ, скажите «напѣвъ», б) свое мнѣніе въ докладѣ обосновывайте такими-то «соображеніями», и в) чей-либо поступокъ объясняйте такими-то «побужденіями». Если правильно говорить «операционный столъ», то лишено смысла говорить объ «операционномъ», а не объ «отчетномъ» годѣ.

Отсюда явствуетъ, что обычное возраженіе: «Какъ же вы противъ заимствованій, когда сами сказали... то-то»,

не всегда основательно. Въ крайности, когда (по винѣ *не* вашей) *уже* нельзя обойтись безъ заимствованнаго слова, придется примѣнить его; но надо принять за правило всемѣрно ограничивать случаи его примѣненія.

7. При встрѣчѣ съ понятіями, *до коихъ русскій народъ самъ не додумался*, остается либо признать свою отсталость, заимствовать чужое слово, либо, если возможно, искусственно создать свое.

Никто не вздумаетъ оспаривать словъ: «электричество, трансцендентальный, бактерія, соната, тринитротолуоль...»

Никто не станетъ оспаривать словъ, унаслѣдованныхъ нами отъ классической древности и церковной старины вмѣстѣ съ дарами общеевропейской культуры, какъ «каѳедра, императоръ, университетъ, епископъ, математика, демократія» и тысячи другихъ. Эти слова почти для всѣхъ современныхъ народовъ чужія и для всѣхъ же родныхъ, — всѣхъ роднящія въ основныхъ достиженіяхъ государственной, церковной, научной, художественной жизни. Правильное пользованіе ими есть дань благодарности; но пользованіе — не злоупотребленіе. Злоупотребленіемъ будетъ не только случай, подобный вышеприведенному съ «колоссально» вкусными блинами. Слово *ortocultura* вполне естественно даже въ простой народной итальянской брошюрѣ: каждый крестьянинъ, имѣя *orto* (огородъ), имѣя *coltivato* (воздѣланный), и не замѣтитъ, что прочелъ латинское слово. Напротивъ, въ русской книгѣ «ортикультура» будетъ неумѣстной потугой на ученость; обстоятельнѣе книга отъ такихъ ужимокъ не сдѣлается; «огородничество» куда яснѣе. И «рыборазведение» много яснѣе «пис-ци-культуры».

Не станутъ оспаривать и словъ, отвѣчающихъ не нами созданному укладу жизни («феодализмъ, республика, банкъ...») или обычаямъ («балъ, концертъ, пикадоръ или гейша...»), или одѣянію:

Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.

А вотъ имѣя шубу, шубицу, шубенку, шубку, шубейку, полушубокъ, тулупъ, тулупецъ, тулупчикъ, доху, да пальто на мѣху, желать еще «плисы» просто дико*).

Б) Тутъ мы подходимъ къ другому признаку — къ практическимъ *требованіямъ международной жизни*. Они узакониваютъ широкое заимствованіе въ научной терминологіи, въ области международныхъ сношеній, техники, торговли и денежнаго обмѣна. Но и тутъ, думается, надо соблюдать мѣру. Приведу въ поясненіе послѣдней мысли нѣсколько примѣровъ.

Терминологія большинства естественныхъ наукъ доступна лишь спеціалистамъ; прочихъ людей она не касается; напротивъ, понятія области права составляютъ ежедневную потребность толпы, и здѣсь надо строже беречь термины, созданные своимъ народомъ (беречь, хотя бы и наряду съ заимствованными).

Какъ-то лѣтъ 30 назадъ, сидя въ каютѣ Камскаго парохода, слышалъ я разговоръ двухъ купцовъ на палубѣ у моего окна: говорили о банковскихъ дѣлахъ и ухитрялись излагать ихъ безъ иностранныхъ словъ. Значить, возможно, или вѣрнѣе *было* возможно. За 30 лѣтъ тропы этой возможности, вѣроятно, заросли заимствованными словами.

Дѣйствительно ли житейски полезно перенимать иноземныя слова въ вопросахъ автомобилизма или воздухоплаванія? Перенявшій англійскія названія всеравно будетъ поставленъ въ тупикъ, понавъ въ Германію или во Францію. Не проще-ли создать собственные, а при необходимости выучить десятка три чужихъ названій. Не ясно-ли, что шасси — рама, радиаторъ — холодильникъ, кароссеры — кузовъ и что, если вы погрузили грузъ на грузовой пароходъ и разгрузили его въ другомъ порту, то перегрузить его грузчиками надо на «грузовики», а не на «каміоны»? Мы аэроплана первые не выдумали, но на-

*) Хотя и Пушкинскій стихъ, но полагаю, что «панталоны» здѣсь лишь для размѣра, развѣ что тогда были какія-либо портняжныя тонкости, нынѣ забытыя, проводившія грань между панталонами и штанами.

родь о коврѣ самолетѣ мечталъ столѣтія. «Эскадрилья № 2 въ 4 аэроплана поднялась изъ-за лѣса; сдѣлавъ виражъ на востокъ, спланировала...» Если вмѣсто этого, донесеніе будетъ писаться: — «Стая № 2 въ 4 самолета поднялась изъ-за лѣса и повернувъ на востокъ, опустилась (сѣла) на землю...», развѣ это будетъ менѣе ясно и развѣ эти термины не дадутъ большей красоты для тѣхъ, кто писалъ бы не просто донесеніе? Зачѣмъ надъ головой долженъ быть слышенъ звукъ отвратительнаго «пропеллера», а не «винта», — вѣдь всякъ пойметъ, что надъ вами летитъ аэропланъ, а не пароходъ.

В) *Звукъ слова*, — степень его красоты, — долженъ имѣть значительное вліяніе на то, принять или отвергнуть его.

«Ансамбль» никогда не сможетъ стать русскимъ словомъ, хотя бы его печатали въ театральныхъ отзывахъ ежедневно и произносили за кулисами ежечасно. Анонсъ, афишировать (въ «Идіотѣ»: «... они заявили себя», III, гл. 2), варьировать, вуалировать, деталь, дефектъ, дискуссія, досье, колье (Андрей Бѣлый), комюникэ(!), мерси, нюансъ, отель, пардонъ, пресса, пляжъ (пляшъ; не лучше ли дать слову «взморье» расширенное значеніе?), репатріація (и это для мучительно ожидаемаго часа увидѣть родину!), сконструировать, турне, экспозе(!) ... все это слова отвратно звучація и для русскаго, и для французскаго уха. Да переверните десять разъ предложеніе и такъ, и сякъ, и эдакъ, лишь бы *избѣжать* такого уродства! А вы его выбираете, пред-почтаете!

И напротивъ, когда звуки чужого слова совпадаютъ съ русскими или поддаются обрусѣнію, то они не препятствуютъ заимствованію слова. Если есть слово «вечеръ», то почему не быть слову «кучеръ»? Надо нарочно задать себѣ вопросъ о происхожденіи слова, чтобы угадать въ этомъ случаѣ нѣмецкое его происхожденіе или чтобы, побѣдавъ «на шерамыжку», вспомнить о пребываніи русскіхъ войскъ въ Парижѣ въ славный 1815-ый годъ. Вѣдь и «штанга» и «потрафлять», отъ нѣмецкихъ корней.

Необходимость борьбы.

Русскій языкъ сознательно калѣчатъ большевики; онъ невольно искажается среди бѣженцевъ. Видя это, иные безнадежно машутъ рукой, другіе философствуютъ на тему, что нельзя стѣснять «свободу» измѣненія языка, что вмѣшательство охранителей — насиліе, что оно лишь «сунуть» его; жизнь-де возьметъ свое, все само собой наладится, «образуется», и пусть будетъ языкъ хоть «уродъ», да «живой». Увы, обычное для русскаго человѣка отношеніе къ нагрянувшему народному бѣдствію: разсужденія съ цѣлью показать «широту взгляда» и имѣть право сидѣть, скрестивъ руки. Къ счастью, не всѣ такъ разсуждаютъ, — иначе не было бы Добровольческой арміи.

И здѣсь нужна Добровольческая армія. *Самое существованіе русскаго языка въ опасности.* Надо осознать, что *языкъ* народа, какъ и *имя* народа, неотъемлемое условіе его бытія и что, если мы хотимъ, чтобы народъ русскій продолжалъ существовать, то должны держаться за эти два начала, какъ держатся за него другіе народы, — съ остервенѣніемъ, руками, ногами и зубами. Не «широкіе взгляды» и разглагольствованія важны; важно только дѣйственное рѣшеніе, — возьмусь ли за винтовку или нѣтъ. Въ рукахъ Алексѣева винтовка превратится въ армію, въ рукахъ другого останется лишь винтовкой, — но и то хлѣбъ. Да, пассивность передъ трудной задачей свойственна русскому человѣку: «Таракановъ-то, таракановъ... Ужаста сила какая, — жалостливо тянетъ русская баба, — кипма, говорю, кипать, ажъ глядѣтъ гадко...» А голландка возьметъ да и метлой ихъ, да желѣзнымъ купоросомъ. (И жилъ я какъ-то во Владимірѣ на скромной квартиркѣ у какой-то голландки, и ни одного таракана у нея на кухнѣ не было). И если въ моихъ рукахъ метла мало что сдѣлаетъ, — не больше этой статьи — то въ рукахъ любой редакціи она явилась бы не малою силой. А если бы загорѣлся мыслью объ огражденіи чистоты языка кто-либо изъ нашихъ крупныхъ писателей, онъ смогъ бы создать противъ этого зла цѣлое общественное движеніе. Еще лучше, еслибъ это движеніе возглавилъ видный публицистъ, ибо именно языкъ газетный, а

не богатый, до сих пор чистый, язык беллетристики, испещренъ заимствованными словами. Охвати оно бѣженство, по возвращеніи въ Россію мы внесли бы въ разруху языка необходимое сдерживающее начало и тѣмъ частично выполнили бы нашъ долгъ передъ родиной.

Во всякомъ случаѣ, никто не сможетъ отрицать, что «охранители» охраняютъ *большія* цѣнности: лучшее вѣковое твореніе русскаго народа — языкъ его, онъ же и выраженіе народной души, и одна изъ слагающихъ ее силъ; охраняютъ прекрасное достиженіе даровитѣйшихъ русскихъ людей, — литературный языкъ, эту могучую силу, единящую всѣ племена русскаго корня, и орудіе культурнаго объединенія всего разнонациональнаго русскаго міра; охраняютъ, у самаго ствола ея, не только великодержавность своего народа, не только его независимость, но и самое его бытіе. Вотъ что *мы* охраняемъ. А защитники ненужныхъ заимствованныхъ словъ, что охраняютъ они? Пусть отвѣтятъ. «Свободу языка»? Но, полагаю, я достаточно ясно показалъ, — такое утвержденіе плодъ недомыслия. Они охраняютъ лишь свои плохіе навыки, и потому охраняютъ, что ничего нѣтъ труднѣе для чело-вѣка, какъ признать свою вину. Русская интеллигенція всегда была пропитана самопоклоненіемъ. Нынѣ, за тяжкими испытаніями, наступила новая пора: поколеблено ея идеологическое зданіе, уже слышны отдѣльные мужественные покаянные голоса, уже началась новая, обратная переоцѣнка цѣнностей. Въ списокъ немалыхъ грѣховъ своихъ интеллигенція должна вписать еще одинъ — порчу, *опошленіе* роднаго языка.

Льченіе общими усиліями.

Какъ же быть впредь?

Впредь, либо «люди пера» сохраняютъ присущее большинству изъ нихъ пристрастіе къ иностраннымъ словамъ, и тогда русскій языкъ сгинетъ; либо они проникнутся сознаниемъ долга побороть въ себѣ этотъ недостатокъ. Если пониманіе своего долга въ этомъ отношеніи проникнетъ въ широкіе слои образованнаго общества, то оздоровленіе сможетъ наступить быстрѣе, чѣмъ кажется. Но это дѣло доброй воли и усилія всѣхъ и каждаго.

Выраженіе, что языкъ «самъ справится, самъ выйдетъ побѣдителемъ...» — пустословіе. Языкъ объективнаго существованія не имѣетъ, онъ лишь въ насъ живетъ. Каждый изъ насъ или улучшаетъ, или сохраняетъ, или искажаетъ его. То же дѣлаетъ каждая семья, каждая совокупность людей.

Надо ли останавливаться на той задачѣ, которая выпала бы на долю будущей Академіи Наукъ или Ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, школы вообще и преподавателей русскаго языка въ частности? Задача каждаго изъ нихъ сама собой ясна. Желательно образованіе общества охраны чистоты языка, въ составъ котораго вошли бы ученые языковѣды, дабы *оградить* его работу *отъ увлеченія крайностями*. Какая захватывающая задача разобратся въ отвратительномъ языковомъ наслѣдствѣ большевиковъ, въ этихъ, по приказу рожденныхъ словахъ, сляпанныхъ изъ обрубковъ нѣсколькихъ словъ или склеенныхъ изъ двухъ, съ полнымъ презрѣніемъ къ законамъ русскаго языка, — безъ соединительной гласной. Далеко не все большевицкое наслѣдіе умретъ; слово «чека», напримѣръ, окажется бессмертнымъ. Собачьи же клички для будущихъ государственныхъ и общественныхъ учреждений и должностей, всѣ эти «профсоюзы» и «селькоры», а равно и до большевиковъ родившіеся «главковерхи» должны быть въ официальныхъ сношеніяхъ (иначе, какъ въ зашифровкѣ) воспрещены*).

У каждой области жизни есть какъ-бы прирожденный хозяинъ ея языка. Языкъ закона, устава, наказа вполнѣ въ рукахъ издающей ихъ власти и если центральная власть потребуетъ заботы о возстановленіи языка (Муссолини, конечно, ни на мгновенье не задумался бы этого потребовать), то не только Кодификаціонный отдѣлъ, но и всѣ безчисленныя комиссіи, разрабатывающія проекты законоположеній, попутно незамѣтно работали бы на очище-

*) И это не только съ точки зрѣнія красоты языка. Неправильно называть учрежденіе, въ которомъ самъ служишь или служишь собесѣдникъ, уничижительными кличками: столовка, читалка, лавочка (последнее напр., про университетъ или министерство). Неуваженіе юридическаго лица признакъ некультурности.

ніе языка. (Въ этомъ отношеніи Кодификаціонный отдѣлъ и Государственная канцелярія держались прекрасныхъ преданій временъ Казицкаго и Сперанскаго). Выраженія закона не могутъ не стать выраженіемъ судей, обвинителей, защитниковъ, не могутъ не перейти въ газетные отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и въ статьи приказовъ исполнительной власти. Представьте себѣ далѣе, что Главное военно-инженерное управленіе и соотвѣтствующій отдѣлъ Министерства путей сообщенія называли бы въ своихъ контрактахъ аэропланы «самолетами», автомобили «самоходами»; всѣ десятки тысячъ людей, захваченныхъ по всей Россіи могучимъ вращеніемъ цѣлаго миллиарда рублей, естественно стали бы говорить и думать о самоходахъ и самолетахъ. И даже частныя общества, незначительныя численностью своихъ членовъ, но сильныя своимъ удѣльнымъ вѣсомъ, имѣютъ какъ бы законодательную власть надъ языкомъ въ своей области. Еслибы «Старые годы» подписывали подъ изображеніемъ наличника окна не: «Архангельскій соборъ. Деталь», а «Архангельскій соборъ. Частность» или «Подробность», то слово «частность» или «подробность» быстро приобрѣло бы въ средѣ художниковъ также и это значеніе. Заводъ, построившій «теплоходы», не только обогатилъ Волгу новымъ видомъ парохода, но и подарилъ русскому языку новое слово. То же могутъ сдѣлать любой изобрѣтатель и любой торговый домъ, выпустивъ новое изобрѣтеніе или новый товаръ подъ новымъ *русскимъ* названіемъ.

Огромная отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, кто руководить ежедневнымъ чтеніемъ миллионовъ людей — на редакціяхъ газетъ. Онѣ косвенно руководятъ и разговорнымъ языкомъ, ибо прочитанное въ газетѣ тутъ же становится предметомъ разговора. И вотъ мнѣ хочется сдѣлать одно замѣчаніе, хотя оно и задѣнетъ самолюбіе многихъ. Каждая общественная среда вырабатываетъ (чаще всего на почвѣ шутки) нѣкоторое количество собственныхъ словъ: есть свои словечки въ каждой семьѣ, свои въ кадетскомъ корпусѣ, въ воровской артели; одни были въ Кавалергардскомъ полку, инныя въ полку, стоявшемъ на Кавказѣ. Такія слова живутъ въ тѣсномъ кругу данной среды; выходятъ они за четыре стѣны лишь, если ихъ под-

мѣтитъ наблюдательный слухъ писателя или если отдѣльныя наиболѣе удачныя слова перекинутся далѣе, привьются въ другой средѣ. Но есть одна среда, которая сама выноситъ свои словечки и назойливо навязываетъ ихъ ежедневно всѣмъ и каждому. Это какъ разъ среда «пишущей братіи», людей по большей части не жизни, а книги и часто книги иностранной, еще чаще переводной. Языкъ этой среды и есть языкъ наиболѣе загрязненный заимствованными словами. Вѣдь надо сознаться, газеты наши лишутся не на литературномъ языкѣ, а именно на языкѣ этой среды, — на особомъ, *газетномъ* языкѣ. По какому праву навязываютъ люди свой «жаргонъ» другимъ? Я готовъ учиться у виднаго писателя, у даровитаго публициста, но искренно говорю, что вовсе не признаю за каждымъ «работникомъ пера» права навязывать мнѣ свои кружковыя слова и обороты. То обстоятельство, что онъ сдѣлался съ юныхъ лѣтъ завсегдатаемъ редакцій, отнюдь не означаетъ, что онъ долженъ любить и знать русскій языкъ лучше, чѣмъ я. Къ тому же частое обращеніе съ какимъ-либо орудіемъ не по вдохновенію, а по долгу службы, нерѣдко ведетъ къ пользованію имъ спустя рукава. Надъ этими искренними мыслями искреннимъ работникамъ пера невредно бы попризадуматься.

Неужели членамъ редакцій такъ трудно сговориться и выбросить со столбцовъ своей газеты излишне заимствованныя слова? Неужели нельзя обратиться къ случайнымъ сотрудникамъ съ просьбой избѣгать заимствованій? Вы боитесь насмѣшекъ враждебнаго лагеря? Пусть поизмываются: посмѣются, да и отстанутъ. А вѣдь задача предъ вами высокая: быть, по слову Пушкина, «строгими и вѣрными опекунами языка отечественнаго».

Средства льщенія.

Какъ видно, *свобода* и по мнѣнію Пушкина не исключаетъ *опеки*.

Мы говорили выше, отъ какихъ ядовитыхъ словъ опекуны должны ограждать опекаемаго; посмотримъ теперь, гдѣ взять добрые соки, взаимнѣ ядовитыхъ.

Уже существующее, обычное русское слово, нѣсколько разъ удачно примѣненное *съ новымъ оттънкомъ*, легко

приметь этот новый отънокъ и въ сознаниі другихъ. Я ужъ привелъ въ примѣръ слово «подробность» въ смыслѣ архитектурной «детали». Въ самомъ дѣлѣ, если французы обходятся однимъ и тѣмъ же словомъ *détail* въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ (торговли, механики, психологии, искусства), почему же намъ въ вопросахъ искусства не довольствоваться «подробностью», а прибѣгать къ заимствованію? Первоначальное значеніе слова «починъ» (начало дѣйствія) не тождественно съ «иниціатива» (первая мысль о дѣйствованіи); но выслушавъ рѣчь, гдѣ говорилось про чью-либо «иниціативу», отвѣтите: «Я согласенъ, что починъ этого дѣла принадлежитъ Иванъ Ивановичу...», всѣ поймутъ, что вы подъ словомъ «починъ» разумѣете «иниціативу»: слово тутъ же приобрѣтеть новое, добавочное значеніе. И дѣйствительно, на моей памяти установилось это добавочное значеніе («по почину, благодаря почину, духъ почина»), такъ что заимствованное «иниціатива» теперь совершенно излишне. Говорите, пишите: нарядная коляска, нарядная прическа, осанка, нарядныя движенія, линіи, очертанія, нарядный цвѣтъ, нарядный человѣкъ... и въ словѣ «элегантный» никакой надобности не будетъ. Подобныхъ примѣровъ можно подыскать сотни *).

Существуетъ въ русскомъ языкѣ богатый запасъ словъ, *вышедшихъ изъ обихода* образованной среды. Надо черпать изъ него. Профессоръ архитектуры, раскрывъ Забѣлина, нашелъ бы тамъ достаточно названій, чтобы избѣжать въ своемъ учебникѣ и на своихъ чертежахъ, если не слова «голлъ»(!), то хотя бы «вестибюль». Наше хоровое цѣніе первое въ мірѣ; неужели оно могло слагаться, не вырабатывая собственной терминологіи? Хорошо воздавать должное итальянцамъ, но зачѣмъ же дѣлать это цѣною неуваженія къ работѣ нашихъ предковъ, цѣною забвенія такихъ ясныхъ опредѣленій, какъ «вершники», «нижники» и «путникъ». Половину терминовъ по тактикѣ можно бы найти въ приказномъ языкѣ Московской Руси

*) Имѣется еще въ запасѣ слово «изыщный», могущее иногда замѣнить «элегантный». Но оно испорчено уродливымъ произношеніемъ («изыщѣнный») и оплошено неправильнымъ примѣненіемъ.

и какой, скажите, смыслъ въ кавалеріи при наличіи конницы? Мы растемъ подъ впечатлѣніемъ, что иначе, какъ «горизонтъ» и не скажешь; учебники должны были бы рядомъ съ этимъ международнымъ словомъ ставить «окоёмъ», «кругозоръ» *).

Богатый источникъ для безболѣзненныхъ заимствованій являются собою *другіе славянскіе языки* и нарѣчія. Чѣмъ «самостійность» не русское слово? На мой слухъ оно лучше длиннаго «самостоятельность». Къ тому же, признанъ слово изъ чарующей малороссійской рѣчи значить добродушно сбросить хоть одинъ кирпичикъ съ той искусственной стѣны, которую съ такимъ упорствомъ возводитъ между вѣтвями русскаго народа болѣзненное озлобленіе украинomanовъ. Болгарское «здравница» яснѣе «санаторіи». Если посоль въ возглавляетъ «посольство», то русскому посланнику естественно имѣть, какъ у сербовъ, «посланство», а не «миссію». Можно ли произносить такое гнусное слово, какъ «мадмуазель», когда южные славяне для обращенія къ дѣвушкамъ имѣютъ прелестное «господица»?

Эти три способа пополненія языка даютъ широкое поле любителямъ «свободы»: есть разгуляться гдѣ на волѣ. Еще шире просторъ найдутъ они въ *созданіи новыхъ словъ*. Каждому, много писавшему, навѣрно приходилось родить слово. Но и здѣсь свобода должна быть истинная, — подчиненная разсудку. «Никогда не пользуйтесь новымъ словомъ», — говорилъ недавно умершій англійскій писатель Томасъ Харди, — «если оно не имѣетъ трехъ слѣдующихъ качествъ: оно должно быть *необходимо*, *понятно* само собой и должно быть *красиво*. Новыя идеи требуютъ для своего выраженія новыхъ словъ; но замѣнить общеупотребительное слово другимъ, имѣю-

*) Кстати объ учебникахъ. У меня былъ отличный преподаватель исторіи, говорившій Микель Анджелило; приходилось не разъ слышать Берлинъ и даже Достоевскій. Знаки ударенія необходимо было бы ввести въ учебникахъ и не только для имени, — также для нѣкоторыхъ словъ, по отношенію къ конямъ у многихъ существуетъ склонность ставить удареніе неправильно «молодежь, звонить, передать, чулки, исключены, непаивать, столяръ, была, взяла, дѣятельность...»).

щимъ только то достоинство, что оно новое, значить не обогащать языкъ, а дѣлать его болѣе бѣднымъ»). Надо, чтобы новое русское слово рождалось (если предназначено для литературнаго языка) не въ «жаргонномъ» порядкѣ, а въ духѣ языка русскаго. У Даля нѣтъ, напри- мѣръ, обычныхъ теперь и весьма содержательныхъ словъ «засиліе», «уточнить». Значить, родились они послѣ. «Хорошо (говорятъ мнѣ однажды) согласенъ, что «иниціати- ва» излишня. Но ужъ безъ «иниціатора» вы не обойде- тесь». «Обойдусь, — я сочиню слово «починщикъ», оно въ духѣ нашего языка: «зачинщикъ» — для чего-либо плохого или хотя бы шаловливаго; «починщикъ» — пусть будетъ для дѣйствія положительнаго». Смѣются: «мокро- ступы» - молъ и нельзя-де *выдумывать* такія искусствен- ныя слова. беру Даля и вижу, мои собесѣдники правы: слова «починщикъ» дѣйствительно *выдумать* нельзя, — оно уже существуетъ **).

Относительно всѣхъ этихъ источниковъ замѣны не- удачныхъ заимствованій можно сдѣлать одно общее замѣчаніе. Къ слову, сперва поразившему своей новизной, ухо постепенно привыкаетъ. Это, къ сожалѣнію, спра- ведливо даже по отношенію къ уродливымъ заимствова- ніямъ («отель»); тѣмъ легче могутъ привиться новыя слова, родившіяся въ согласіи съ законами роднаго языка. Во время войны чрезъ мои руки проходили многочислен- ныя телеграммы по заказу автомобилей; телеграммы на- зывали ихъ «самоходами»; это слово стало тогда для меня и для всего личнаго состава даннаго учрежденія совер- шенно обычнымъ. Такъ будетъ со всѣми воскрешенными и удачными новыми словами, — стерпится, слюбится.

На возраженіе: «Нельзя искусственно передѣлать языкъ, нельзя выбросить укоренившіяся слова...» легко отвѣтить еще, спросивъ, кто теперь, иначе, какъ смѣху

*) Мы вставили цитату изъ Т. Харди здѣсь, гдѣ говоримъ о новыхъ *русскихъ* словахъ; но очевидно, что она *полностью* и еще въ большей мѣрѣ приложима и къ заимствованію чуже- родныхъ словъ.

**) «Иниціаторъ» можно еще удачно замѣнить словомъ «за- чинатель».

ради, скажетъ «абшидь», «фортуна», «ферлакурить»? Кто помнитъ, что на таможенныхъ существовали «цольнеры»? Кто поѣдетъ за собственный «коштъ», «отдастъ дамѣ аттенцію» или станетъ съ нею «объ амурахъ козировать»? Сотни та- кихъ заимствованій XVIII вѣка выметены, исчезли. Мы ихъ вспоминаемъ лишь, чтобъ воскресить облики нашихъ пращуровъ и прабабокъ, тѣхъ людей, въ рѣчи которыхъ какъ-то уживались и заправская деревенщина, и слова, западавшія то изъ Расиновой «Федры», то изъ «артику- ловъ» прусскихъ военныхъ «регламентовъ». И тогда они вызываютъ у насъ добродушную улыбку: вѣдь въ дале- комъ прошломъ любезны намъ и бессмысленно растопы- ренныя фижмы и длиннокудрый «генераль - аншефскій» парикъ.

При равнодушіи большинства къ красотѣ русской рѣчи, теченіе, направленное къ огражденію ея чистоты, все же никогда не исчезало. Его работа оказывалась и за послѣднія печальныя для русскаго языка три четверти вѣка. Для примѣра укажу на военный языкъ, не пере- стававшій въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ русѣть на на- шихъ глазахъ. Я еще ходилъ на «аванпостныя ученья»; съ изданіемъ новыхъ уставовъ стали высылать «стороже- вое охраненіе» и было это солдату гораздо яснѣе; само со- бой было ясно также, что такое «боковая застава», что «пе- редовой» или «тыловой» отрядъ. Вотъ какъ легко могутъ повліять на очищеніе языка даже случайныя, несогласо- ванныя усилія тѣхъ, кого я назвалъ выше «хозяевами» различныхъ его областей. Не можетъ быть сомнѣнія, что сознательная, планомѣрная работа способна дать здѣсь обильные плоды. Широкой размахъ ея осуществимъ лишь въ будущей Россіи, когда станетъ возможнымъ *уложить заботу о языкѣ въ рамки цѣльной системы*, гдѣ отъ Ака- деміи Наукъ до сельской школы, отъ законодательныхъ учрежденій до свободно объединившихся общественныхъ силъ, — каждый сможетъ приложить руку къ этому добро- му дѣлу.

Но и въ изгнаніи работы найдется не мало. Надо только, чтобы сознаніе нашего *долга передъ языкомъ* стало общимъ достояніемъ, чтобъ долгъ этотъ былъ близокъ

каждому, берущемуся за перо, чтобъ о немъ напоминали со столбцовъ газетъ, чтобъ въ семьяхъ слѣдили за рѣчью дѣтей. Словомъ надо . . . чтобъ русскіе люди любили рускую рѣчь.

* * *

Настоящая статья была закончена, когда я прочелъ въ «Возрожденіи» выдержку изъ Даля. Подчеркиваю въ ней нѣкоторыя слова: они ставятъ суть мною сказаннаго подъ охрану его свѣтлой памяти: «Въ комъ нѣтъ убѣжденія въ надобности *очищать* языкъ и *изгонять* искаженія его, кто не сознаетъ за собой этого *долга*, кто, будучи писателемъ, не задается этою *задачею* — тотъ былъ на вѣку своемъ легкомысленнымъ пособникомъ *худому* дѣлу, а чѣмъ далѣе *равнодушіе* и *неряшество* это будетъ господствовать, тѣмъ тяжелѣе будетъ противъ рожна прати».

«Чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣ . . .» Дождаться ли намъ равнодушно, когда тяжесть борьбы сдѣлается ея невозможной? Мы наперепутьѣ. Еще не поздно.

А. В.

Римъ,
5 января 1927 г.

О НѢКОТОРЫХЪ ГРАММАТИЧЕСКИХЪ ОШИБКАХЪ *).

Если мнѣ скажутъ, что то, что я пишу здѣсь, скучновато и напоминаетъ урокъ русскаго языка, я возражать не буду; но если стануть утверждать, что урокъ сей излишенъ, отвѣчу: «Возьмите любой номеръ любой газеты, — вы непременно найдете въ немъ хоть одну изъ перечисленныхъ здѣсь ошибокъ, и найдете ее не только въ «письмахъ въ редакцію», но и въ писаніяхъ постоянныхъ, наипостояннѣйшихъ сотрудниковъ». беру ошибки наудачу, — попросту тѣ, что чаще всего коробятъ слухъ и раздражаютъ глаза. Онѣ разнаго происхожденія, различнаго удѣльнаго вѣса; это ничуть не устраняетъ необходимости бороться съ каждой изъ нихъ. Начну хотя бы съ:

Бы, бы, бы . . .

Для образованія сослагательнаго наклоненія надо къ прошедшему времени изъявительнаго наклоненія добавить частицу «бы». «Я пришелъ» — «я пришелъ бы». Эту частицу можно поставить непосредственно за глаголомъ или за иной частью рѣчи, — логически «бы» всегда будетъ связано съ глаголомъ. «Если бы ты пришелъ» равносильно: «Если ты пришелъ бы». Болѣе одного «бы» при одномъ глаголѣ быть не можетъ. Мало того, зарядъ сослагательности, заключенный въ частицѣ «бы» настолько силенъ, что дѣйствіе его въ краткомъ предложеніи пронизываетъ послѣднее насквозь, и второй глаголъ можетъ

*) «Нов. Вр», 19 и 20 апрѣля 1927 г.

обойтись безъ особаго «бы». (Я говорю, конечно, о второмъ глаголѣ того же придаточнаго или того же главнаго предложенія). Такъ, напримѣръ, вы будете правы, сказавъ: «Если бы ты пришелъ и предупредилъ меня, я...» Только въ тѣхъ случаяхъ, когда предложеніе настолько длинно, что чувство сослагательности у читателя потускнѣетъ раньше, чѣмъ онъ дойдетъ до второго глагола, послѣдній потребуеъ для себя отдѣльнаго «бы». Сказанное остается въ силѣ и при союзѣ «чтобы».

Неправда ли, какія всѣмъ извѣстныя истины я излагаю? Но вотъ фраза одного виднаго публициста: «Если бы я командовалъ бы двухъ-саженнымъ участкомъ и мнѣ попался бы Троцкій-Бронштейнъ, я бы его не помиловалъ бы, и если бы, я попался бы ему, я не разчитывалъ бы на его любезность».

Здѣсь изъ 8-ми «бы» четыре лишнихъ, причеъмъ наличие 3-хъ изъ этихъ 4-хъ является грубой ошибкой; примѣненіе четвертаго, «мнѣ попался бы», — дѣло вкуса.

Не называю имени автора: чувство справедливости заставило бы меня перечислить десятки фамилій.

Безсмысленность вторичнаго «бы» при томъ же глаголѣ особенно уясняется, если вспомнить, что въ древнеславянскомъ языкѣ «пришелъ» не изъявительное наклоненіе, а несклоняемое причастіе; «бы» не частица, а 3-е лицо единственнаго числа прошедшаго несовершеннаго отъ вспомогательнаго глагола «быти». Слѣдовательно, выраженіе: «если бы я пришелъ» по построенію своему тождественно съ *si j'étais venu*. Что бы вы сказали, услыхавъ: *Si j'étais étais venu* или *wäre ich wäre gekommen* ? !

Вышеприведенная фраза съ 8-ю «бы» назидательна, какъ отрицательный примѣръ. Кто пожелаетъ окончательно излѣчиться отъ плохой привычки «быбыканья», тому я посоветую подойти поближе къ царю Салтану, что стоитъ «позады забора» и вмѣстѣ съ нимъ прислушаться къ разговору трехъ дѣвиць, прядущихъ подь окномъ.

«Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица:
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ...»
«Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица:
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотно».
«Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица:
Я бѣ для батюшки царя
Родила богатыря».

Кстати, теперь печалятся, что блекнетъ въ нашихъ дѣтяхъ чувство народности. Такъ читайте вашему четырехлѣтнему Ванѣ «Царя Салтана», да почаще. На третій разъ онъ торопливо подскажетъ вамъ: «родила богатыря», на четвертый — за «поварихой» отбарабанить: «съ сватьей ба-бой Ба-ба-лихой» и мотнетъ головой на «ли-хой». Когда эта умная, добрая, пестрая и звучная Русь проникнетъ въ извилины мозга, русскій духъ тамъ засядетъ прочно; тогда не страшны будутъ духовные дары иныхъ народовъ: они не вытравятъ его, а будутъ восприняты имъ и въ немъ претворены.

«Одѣвать» вмѣсто «надѣвать».

Недавно кто-то, отмѣчая особенности живой рѣчи Л. Толстого, упомянулъ, что онъ возмущался, когда говорили: «Одѣлъ пальто». Но это вовсе не показательно для Толстого: всѣ хорошо грамотные люди ушедшаго поколѣнія этой ошибки не дѣлали. У классиковъ вы ея не найдете. Да и люди нашего поколѣнія не разъ пытались бороться съ ней на столбцахъ газетъ. Былъ въ первой Думѣ нѣкій Жилкинъ, многорѣчивый трудовикъ; что именно онъ тамъ говорилъ не помню; знаю, что громилъ власть, «потрясалъ основы», призывалъ къ обновленію... и расчищалъ путь большевикамъ. Зато ясно помню его газетную замѣтку насчетъ «одѣтъ, — надѣтъ». Исчерпавъ

доказательства, онъ, какъ бы потерявъ терпѣніе, закончилъ: «Итакъ: надѣть, надѣть, надѣть!»

Впрочемъ, въ чемъ ошибка? Многие дѣйствительно не знаютъ.

Одѣваютъ кого-нибудь; надѣваютъ что-нибудь. Кого одѣваютъ, того раздѣваютъ; что надѣваютъ, то снимаютъ. Это два совершенно различныхъ понятія, еще болѣе различныхъ, чѣмъ «налить» (жидкость) и «облить» (столь), чѣмъ «копать» (землю) и «закопать» (сундукъ). Въ этомъ смѣшеніи двухъ различныхъ понятій и заключается возмутительность ошибки. У современнаго Толстого его капитанъ подводной лодки «одѣлъ фуражку»: видно и большой талантъ не обезпечиваетъ отъ ошибки. Да и понятный слухъ можетъ притупиться. Найдете ошибку эту и у Краснова. Затерялъ свои выписки, а то назвалъ бы и другихъ заправскихъ писателей; на память боюсь кого-либо изъ нихъ оговорить.

Понятія «одѣть» и «надѣть» столь различны, что на многихъ другихъ языкахъ они выражаются глаголами различныхъ корней.

Одѣвать кого:	Надѣвать что:
habiller	mettre
vestire	mettere
vestir	poner
ankleiden	anziehen
klade paa (датск.)	tage paa
to dress	to put on
ubierać	nakładać
piietaama (вст.)	пээлэ панема
эндюэйн (греч.)	перибаллэйн
дино (н.-греч.)	эвало
касіѳа (араб.)	лабиса

О чемъ же эта ошибка свидѣлствуетъ? О весьма печальномъ: о притупленіи филологическаго мышленія. Языкъ нашихъ отцовъ тонкое орудіе, — мы его притупляемъ неумѣлымъ пользованіемъ. Такъ иной скрипачъ-любитель не достоинъ унаслѣдованнаго имъ страдива-риуса.

«Не» вмѣсто «ни».

Напримѣръ: «Кто бы это не говорилъ, я...» Эта ошибка встрѣчается гораздо рѣже предыдущихъ, но встрѣчается. Будемъ надѣяться, что, когда мы находимъ ее у писателей, вина лежитъ не на нихъ, а на наборщикахъ. Неопредѣленные мѣстоименія и нарѣчія требуютъ какого-то особеннаго усиленія рѣчи. Одногo сослагательнаго наклоненія для этого по-русски недостаточно: вѣдь оно можетъ быть и съ простымъ отрицаніемъ: «Если бы ты не пришелъ, я...» При неопредѣленномъ мѣстоименіи отрицанія нѣтъ. Я слышу звонокъ въ передней; кто-то пришелъ; я говорю: «Кто бы *ни* пришелъ, скажи, я боленъ». Тутъ все положительно. Латинскій языкъ, тоже не имѣющій субъективнаго наклоненія, довольствуется въ этомъ случаѣ сослагательнымъ: *quomodo sit, quisquis venerit*; но итальянскій и французскій требуютъ уже subjunctif: *chicchessia, quel que soit le prix*; нѣмецкій, подобно русскому, усиливаетъ сослагательное наклоненіе особой частицей: *wie groß der Preis auch sein möge (mag)*.

Ясно, что «ни» не есть случайная прихоть рѣчи: оно требуется логикой русскаго языка: мало того, корни этого «ни» нѣдряты въ требованіяхъ логики общечеловѣческой*).

Неправильное сокращеніе.

Мнѣ хочется обратить вниманіе на одно часто встрѣчающееся синтаксическое построеніе, — на неправильное сокращеніе придаточнаго предложенія. Этотъ галлицизмъ — наслѣдіе французскаго воспитанія нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Пушкинъ влагаетъ его съ уста Сильвію; у Толстого оно, къ сожалѣнію, встрѣчается часто. Нынѣ, когда опять сотни русскихъ дѣтей проходятъ французскую школу, полезно обратить вниманіе на этотъ оборотъ рѣчи, ибо вѣдь многія изъ нихъ, «сдѣлавъ» «свое» образованіе среди французовъ, не будутъ знать, «если» можно «или нѣтъ» сократить данное русское предложеніе.

«Подтѣхавъ къ лѣсу, раздались крики банзай».

*) Обратная ошибка: *ни* вмѣсто *не*. Надо писать: «Это сдѣлалъ *не* кто иной, какъ Ваня», «это *не* что иное, какъ шутка».

Сколько корреспонденцій съ театра войны пестрили подобными предложеніями. Скажите автору, что его слова малопонятны, онъ возмутится: «Вѣдь выстрѣлы не могутъ ѣздить, значить подѣхали „мы“; а банзай кричали очевидно не русскіе, а японцы». Прекрасно . . . , но поставьте въ эту формулу другое слово: «Подѣхавъ . . . , раздались крики ура». Кто тутъ подѣхалъ, русскій или нѣмцы? И кто кричалъ, нѣмцы или русскіе? Приведенная формула невѣрна въ силу того, что она является сокращеніемъ придаточнаго предложенія съ другимъ подлежащимъ, чѣмъ подлежащее главнаго предложенія. Она давно и зло осмѣяна и осуждена въ дивномъ по бездонности своей нелогичности изреченіи Пруткова: «Единожды солгавши, кто тебѣ повѣритъ». Прутковъ хотеть сказать: «Если солжешь *ты*», а грамматика говорить, что солгалъ тотъ, кто не вѣритъ.

Возражаютъ, что французскій и итальянскій языки съ подобнымъ нелогичнымъ построениемъ мирятся. Дѣйствительно, вы можете закончить ваше письмо: «En réitérant mes remerciements, veuillez agréer, Monsieur . . .» Переведя это дословно на русскій языкъ, получимъ смѣхотворную бессмыслицу. Логика въ языкѣ, конечно, не единственная производящая сила; языкъ имѣетъ свою собственную логику, часто не совпадающую съ абсолютной, нерѣдко прямо ей противоположную. Но что необходимо — это оставаться вѣрнымъ логикѣ *даннаго* языка или точнѣе той логикѣ, которая руководитъ въ немъ даннымъ звеномъ явленій. И вотъ, въ настоящемъ случаѣ логика французскаго языка стоитъ въ противорѣчій съ абсолютной логикой, а логика нашего языка послѣдней не противорѣчитъ; она (въ этомъ случаѣ) выше, и потому переносить сюда французскую формулу, значить оказывать русскому языку, а слѣдовательно и русскому мышлению, плохую услугу.

Могутъ быть три формулы:

1. «Когда *мы* подѣхали къ крыльцу, *мы* слѣзли съ лошадей». Эта формула единственная, могущая дать безусловно правильное сокращеніе. И обратно, имѣя такое сокращеніе («Подѣхавъ . . . , мы

слѣзли»), мы можемъ развернуть его правильно только, соблюдъ тождество подлежащихъ.

2. «Когда *мы* подѣхали, *вы* слѣзли». Подобное выраженіе сокращать нельзя. Если его сократить («Подѣхавъ . . . , *вы* слѣзли»), то получится неопредѣленность, ибо неизвѣстно будетъ, кто подѣхалъ: я, ты, онъ, мы, или они, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ неизменно будетъ стоять то же самое дѣепричастіе «подѣхавъ». Мѣстоименіе «вы» я пропустилъ, ибо, если предположимъ его, то вернемся къ первой, правильно сократимой формулѣ и скажемъ какъ разъ не то, что авторъ хотѣлъ сказать.
3. Третью, промежуточную, формулу мы имѣемъ, когда главное предложеніе безлично: «Когда мы подѣхали, стало смеркаться». Сокративъ въ: «Подѣзжая, стало смеркаться», сразу почувствуемъ неправильность сокращенія. Формальная неправильность останется и въ томъ случаѣ (*a*), когда безличный глаголъ имѣетъ при себѣ дополненіе: «Подѣзжая, *намъ* стало холодно». Но здѣсь, не успѣетъ еще разсудокъ дать себѣ отчетъ въ грамматической ошибкѣ, какъ здравый смыслъ чувствуетъ себя удовлетвореннымъ: слово «намъ» сразу даетъ представленіе, что подѣхали «мы». Дальнѣйшее смягченіе неправильности получится въ тѣхъ случаяхъ (*b*), когда безличный глаголъ (нарѣчіе) съ дополненіемъ по смыслу тождественъ съ личной формой соответствующаго глагола. Напр., «мнѣ жалъ» однозначуще съ «я жалѣю»; поэтому въ предложеніяхъ: «Внимая ужасамъ войны, мнѣ жалъ . . . такого-то» подлежащія различны только грамматически; логически они тождественны. Поклонники Некрасова (такіе еще есть), читая мои толкованія, обижаться за него, слѣдовательно, основанія не имѣютъ.

Врядъ ли кто найдетъ ошибку въ этихъ разсужденіяхъ. А если такъ, то русскій языкъ не терпитъ сокращенія при различныхъ подлежащихъ. Признавъ это правило, примѣнимъ его нелицензіятно.

«И повторивъ десятый разъ этотъ вопросъ, ему (Пьеру) пришло въ голову Мольерово...» Это третья формула въ ея первой смягченной разновидности (а). «Отъѣхавъ съ версту, навстрѣчу Ростовской охотѣ изъ тумана показались еще пять всадниковъ съ собаками». Это уже прямо по второй формулѣ.

Преклонимъ смиренно голову передъ исполиномъ, но не будемъ раболѣпствовать. Что невѣрно, то невѣрно. То быть, думается мнѣ, безсознательный галлицизмъ чело-вѣка, съ дѣтства говорившаго по-французски. Толстой и... пишущій эти строки! Слоны и моська... Чтобы выйти изъ труднаго положенія, скажемъ почтительно: Quod licet Jovi, non licet bovi, и не будемъ подражать тому, что дозволилъ себѣ великій Юпитеръ.

Какъ это ни странно звучить, но оставилъ намъ въ наслѣдство это построение золотой вѣкъ русской литера-туры; оставилъ, конечно, не какъ завѣтъ ея великихъ твор-цовъ, а лишь какъ единственный неудачный слѣдъ фило-логическаго воздѣйствія на нихъ французской школы въ ихъ дѣтскіе годы. Признать это и, признавъ, не слѣдовать неправильному образцу, — не есть дерзновеніе, а лишь дань уваженія къ ихъ свѣтлой памяти.

Еще ошибки.

Обо всѣхъ ошибкахъ и не договоришься. Какъ часто люди хорошо «выглядятъ» и даже «выглядываютъ» (добро бы изъ-за угла); а дамы какъ часто не знаютъ, «если» ихъ мужъ вернется къ обѣду; сколь многіе любятъ щеголять чужеземными суффиксами (напр., «шпіонажъ» вмѣсто «шпіонство»), и не подозрѣвая, что заимствованіемъ суф-фикса стираютъ грань между своимъ и чужими языками. Сюда относится и безграмотное начертаніе «большевист-скій»: чего добраго, скоро станутъ писать «мужистскій». Весьма распространена ошибка ставить одно дополнение послѣ двухъ глаголовъ, требующихъ разныхъ падежей; пишутъ, напимѣръ: «Онъ любить и жаждетъ славы», вмѣсто: «Онъ любить славу и жаждетъ ея». Говорить ли о ненужныхъ иностранныхъ словахъ, высыпаемыхъ щедрыми пригоршнями на газетныя страницы, — обо

всѣхъ этихъ отвратительныхъ дефектахъ, деталяхъ, дис-куссіяхъ, дебатахъ, доминированіяхъ... Чтобы попы-таться изложить историческія и психологическія при-чины этого болѣзненнаго явленія, отмѣтить, какіе обще-ственные слои, въ какую пору, болѣе повинны въ этомъ грѣхѣ; чтобы постараться установить признаки, по кото-рымъ одни чужеземныя слова являются необходимыми, другія терпимыми лишь въ строго ограниченной области, а третьи подлежащими безжалостной выкорчевкѣ изъ рус-ской почвы — для этого потребовалось бы испросить у какой-либо редакціи гостепріимства не менѣе, какъ на три статьи*). Пока лишь скажу: написавъ что-либо (ну что бы вы ни написали), перечтите написанное одинъ разъ нарочно для того, чтобы замѣнить русскимъ или хотя бы двумя-тремя русскими словами каждое иностран-ное слово, которому существуетъ соотвѣтствующее слово или выраженіе въ нашемъ языкѣ.

По какому праву?

Приходилось слышать замѣчаніе, что борются противъ засоренія русскаго языка иностранными словами и при-дираются къ грамматическимъ неправильностямъ глав-нымъ образомъ «дилетанты». Въ подобныхъ замѣчаніяхъ мнѣ чувствуется отгѣнокъ пренебреженія: не въ свои сани, молъ, не садись. Да, я тоже изъ «дилетантовъ», изъ простыхъ смертныхъ, на Парнасъ не карабкаюсь и за перо берусь лишь, когда ужъ вовсе нѣ въ ногу. Но я изъ тѣхъ многихъ простыхъ смертныхъ, которые любятъ родной языкъ сильной — ибо сознательной — любовью; которые, читая статью на современномъ воляпюкѣ, испыты-ваютъ почти физическое страданіе, — страданіе и тре-вогу. Тревожно намъ, ибо между языкомъ и мыслью су-ществуетъ непрерывное взаимодействіе. Языкъ челоуѣка — отраженіе его умственнаго, душевнаго и духовнаго уровня; языкъ среды — отраженіе ея уровня; потому оплошленіе языка признаковъ печальный и опасный. Тре-вожно оттого еще, что велика въ жизни народа единящая

*) Это гостепріимство мнѣ оказалъ лишь «Мѣдный Всад-никъ», которому и приношу благодарность.

власть могучаго языка, и увяданіе его сулитъ дальнѣйшее ослабленіе центростремительныхъ силъ, въ которыхъ теперь наше спасеніе.

И вотъ эта любовь къ языку и эта тревога за него даютъ намъ, простымъ смертнымъ, право обратиться къ «газетнымъ работникамъ пера» съ челобитной, подъ которой, думается, не трудно было бы собрать тысячи подписей: «Берегите, оберегайте, блюдите и хольте русскій языкъ, наше великое и обязывающее достояніе».

А. В.

Римъ.
2 марта, 1926 г.

ОБЪ «ОХРАНИТЕЛЯХЪ».

(По поводу одной статьи г-жи Тэффи).

Оно какъ будто дѣло безобидное, и даже хорошее, беречь родной языкъ; но и за это подчасъ достается. Вотъ въ «Возрожденіи» *) появилась статья очень не одобряющая тѣхъ, кто напоминаетъ, что «надо обращаться съ языкомъ осторожно, не портить, не искажать...» На эту статью полезно возразить: она содержитъ нѣсколько черзчуръ смѣлыхъ утверждений, а главное написана она лицомъ мастерски владѣющимъ русскимъ языкомъ, подписана всѣмъ извѣстнымъ литературнымъ именемъ.

1.

Госпожа Тэффи начинаетъ съ примѣровъ того, какъ неправильно пристають охранители языка со своими бездушными правилами къ людямъ, говорящимъ живой, цвѣтистой рѣчью.

«Какъ вы сказали? — спрашиваетъ измышленный ею охранитель, — какъ вы сказали? Надѣюсь, я ослышался! Вы сказали „я иду за виномъ“». Значить, вино идетъ впереди васъ, а вы за нимъ слѣдуете. Иначе бы вы сказали „я иду по вино“, какъ говорятъ — „я иду по воду“ и какъ и слѣдуетъ говорить».

Приведя еще другіе, столь же неправдоподобные примѣры, г-жа Тэффи восклицаетъ: «Давать, сушать, дущать!»

*) 19 декабря 1926 г., № 565.

Въ этомъ глумленіи надъ «охранителями» есть нѣкоторая доля правды. Она заключается въ томъ, что и въ «охраненіи», — какъ и во всемъ на свѣтѣ — можно переборщить и пересолить. Но нельзя же изъ-за того, что поварь бросилъ въ кастрюлю лишнюю щепотъ соли, отрицать и талантливость его, и необходимость солить, и все поварское искусство вообще.

Случаи пересола дѣйствительно бываютъ. Помню одинъ давнишній докладъ въ Петербургѣ. Докладчикъ возмущался выраженіемъ: «Моя прислуга больна, она порѣзала себѣ пальцы». Что это-де за новья повальная болѣзнь? Въ его барскомъ представленіи «прислуга» была понятіемъ собирательнымъ: она включала десятка два людей, отъ степеннаго дворецкаго до третьяго конюха на конюшнѣ. Но жизнь измѣнилась, число служащихъ все сокращалось и вотъ дошло до одной «кухарки со стиркой». Новья условія жизни придали слову «прислуга» новое значеніе. Такъ и надо записать въ толковый словарь: «Прислуга: 1) совокупность служащихъ въ домѣ; 2) служанка». Согласенъ, что послѣднее выраженіе много предпочтительнѣе, но возмущаться примѣненіемъ слова «прислуга» во второмъ значеніи излишне: это новшество выросло естественно изъ новыхъ жизненныхъ условій и, хоть оно и пошлово, никому закону русскаго языка не противорѣчитъ. Кто-то утверждалъ, что неправильно говорить «мы приѣхали верхами» (а не «верхомъ»), на томъ основаніи, что смѣхотворно было бы сказать: «Мы пришли пѣшками». Тутъ ошибка не только въ томъ, что «верхами» вы найдете у Пушкина, у Толстого, у Достоевскаго, у Аксакова, у Даля; что найдете его у Наживина (хорошо знающаго простонародный говоръ); ошибка здѣсь основная: нельзя подходить къ языку съ такой же логической строгостью, какъ къ математическому понятію. Есть, конечно, прекрасныя явленія послѣдовательности, пронизывающія всю нашу рѣчь. Таково, на примѣръ, совпаденіе формы винительнаго и родительнаго падежа мужескаго рода лишь для «предметовъ одушевленныхъ», — совпаденіе, проведенное безсознательной народной грамматикой съ такой поразительной строгостью, что вы говорите: «Я вижу человѣка», «вижу духа», но должны ска-

зать: «Я вижу трупъ» *). Или вотъ этотъ удивительный, не знающій исключеній законъ, управляющій всѣмъ русскимъ глаголомъ: мгновенное превращеніе настоящаго времени несовершеннаго вида («дѣлаю, пью») въ видъ совершенный и во время будущее, подъ воздѣйствіемъ приставки («сдѣлаю, выпью» **). Но обыкновенно область уподобленія (аналогіи) въ языкѣ ограничена. Десять глаголовъ будутъ во всемъ подобны, одиннадцатый въ какой-нибудь формѣ вдругъ выкинетъ неожиданное и забавное колѣно. «Пугать, пугнуть, пугаю, пугну»; «мигать, мигнуть, мигаю, мигну», — все то же; а вотъ «пужать» можно, а «мижать» — нельзя. Никакой логики вы не найдете въ томъ, что двойственное число (бытіе котораго, кстати будь сказано, русскія грамматики обыкновенно отрицаютъ) распространяется и на три, и на четыре предмета. Тѣмъ болѣе не найдете логики въ предложеніи: «Я купилъ два малыхъ (мн. ч.) стола (дв. ч.); оно родилось вполне нелогичнымъ и вполне безграмотнымъ путемъ изъ вполне логичной и грамотной славянской формы «купилъ есмь два малая (дв. ч.) стола (дв. ч.)». Время подчасъ зло шутитъ надъ иными словами: славянскую

*) А «мертвецъ» умеръ, да не совсѣмъ: чего добраго появится и я увижу «мертвеца». Отмѣтимъ еще: «Я вижу Духа», но «я слышу духъ» (запахъ).

**) Думаю, что не ошибаюсь, говоря, что исключеній не бываетъ. Мнѣ извѣстно только одно: «содержу» (ср. «сдержу»); объяснить его себѣ я не умѣю. Въ глаголахъ «исповѣдую, проповѣдую» приставки добавлены не къ «вѣдаю» (тутъ «повѣдаю» и «исповѣдаю» будутъ futurum), а къ многократному «повѣдваю, «ую» лишь сокращеніе «ываю». «Сдаю» не отъ «даю», а тоже отъ многократнаго вида «сдавать» и является сокращеніемъ «сдаваю». Потому глубоко неправильна появившаяся въ газетахъ форма: «они используютъ» въ смыслѣ настоящаго времени. Правильная форма — «использовываютъ»; но она уродлива; ея сокращеніе «использываютъ» тоже слишкомъ длинно. Остается только обойти этотъ глаголъ и сказать, вмѣсто «большевики используютъ наши раздоры», — «большевики пользуются нашими раздорами»; чтобы замѣнить нѣкоторое усиленіе, заключающееся въ приставкѣ «изъ», можно добавить частицу «уже» («пользуются уже») или «успѣшно», «удачно» (пользуются). Во всякомъ случаѣ форма «они используютъ» для настоящаго времени составляетъ преступленіе противъ Основныхъ Законовъ русскаго языка и равносильна отвѣту Карла Карловича: «Что вы тамъ дѣлаете? «Я сдѣлаю коробочку».

«воню» (благоуханія духовнаго) превращаетъ въ русскую «вонь», «животь» - жизнь — въ «животь» - брюхо; слову «лишний» даетъ вторичное значеніе, почти обратное первоначальному; слову «объѣхать» — значеніе какъ разъ обратное. Скажите: «Я опоздалъ лишь на двѣ минуты», — мало кто угадаетъ въ этомъ «лишь» сравнительную степень отъ «лихо»; и ужъ, конечно, никто не возстановитъ того извилистаго пути мышленія, чувствъ, забвенія, кагяся по которому это, довольно-таки грозное слово оскудѣло, полиняло и превратилось въ безобидную и безцвѣтную частицу.

Эту склонность языка къ отступленію отъ нормы «очистители» должны всегда имѣть въ виду. А въ увлеченіи ее легко позабыть. Однажды я отправилъ въ редакцію статью, гдѣ въ перечисленіи ошибокъ теперешней рѣчи упомянулъ объ обычаяхъ «закрывать», а не «затворять» двери. Но потомъ спохватился и послалъ вдогонку просьбу вычеркнуть эту строчку. Дѣйствительно, если вы сами въ глаголь «закрѣть» осязаете еще «крышку», то лучше сдѣлаете, написавъ «затворить дверь» (какъ большей частью писали наши классики); но приставать по этому поводу къ другимъ не дѣло: для большинства происхожденіе этого слова забылось. Требовать такой мелочной чистоты, значило бы взаправду «давить» и «душить». Точно также самъ я не пишу, что «деревня обнищала *благодаря* пожару», ибо чую еще въ этомъ предлогъ и «благодарность» и глаголь; языкъ же русскій, видимо, ихъ уже не ощущаетъ въ немъ, иначе не снабдилъ бы его дательнымъ падежомъ, вмѣсто винительнаго. Если бы я не спохватился, то приблизился бы до нѣкоторой степени къ карикатурнымъ охранителямъ госпожи Тэффи.

Симъ длиннымъ рядомъ примѣровъ я никакой Америки не открылъ. Но и г-жа Тэффи тоже Америки не открыла. Мы лишь сошлись съ ней въ признаніи довольно-таки старенькой прописной истины, *что надо избѣгать крайностей. Въ частности, не надо въ языкъ перетягивать логической струны.* Однако, отъ признанія этой истины до желанія сбросить съ себя тяжесть законовъ языка — цѣлая пропасть. Если же изгнать изъ языка логику, то ис-

чезнуть не только склоненіе и спряженіе, — исчезнетъ весь языкъ: вѣдь не даромъ же кретинъ способенъ только на нечленораздѣльное мычаніе *).

2.

«Огромная Россія, — продолжаетъ г-жа Тэффи, — считала сотни нарѣчій, тысячи акцентовъ. Каждая губернія, каждый уѣздъ окали, цокали, гакали по своему; всѣ участвовали въ созданіи живого языка; неправильность — вещь относительная: одесскій говоръ въ Одессѣ даже хорошъ, — онъ подъ стать суетливому южному біенію тамошней жизни. «Одергиваніе» можетъ лишь сушить, мертвить языкъ.

Не знаю, гдѣ г-жа Тэффи видѣла того «охранителя», который посягалъ на свободу нарѣчій. «Охранители» имѣютъ въ виду лишь культурные слои, людей «всероссійскаго» языка. Всякій, кто любитъ языкъ, знаетъ то особенное чувство, я бы сказалъ, умиленія, которое испытываешь, слушая, въ первые разы, какой-либо мѣстный простонародный говоръ; что-то мило-наивное, дѣтское слышится въ немъ. Никакому «очистителю» не придетъ въ голову «одергивать» такого «мѣстнаго» человѣка; напротивъ, онъ станетъ не учить его, а у него учиться; станетъ вслушиваться въ его рѣчь, вникать и запоминать, чтобы при случаѣ внести перехваченныя жемчужины въ общую сокровищницу литературнаго языка. Пусть по волостямъ и проселкамъ звучатъ вольные говоры, руководимые лишь собственнымъ «неписаннымъ» закономъ. Но мало уми-

*) Приведу еще одинъ доводъ, выведеннаго г-жей Тэффи «охранителя». «Какъ вы сказали?» «Семь разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь?» Это абсолютно неправильно. Разъ человѣкъ мѣритъ семь разъ, то ясно, что видъ надо употребить многократный. Семь разъ при-мѣ-ри-вай, а не «примѣрь».

Можно семь разъ и «примѣрить», и «примѣрять», и «примѣривать». Всѣ три формы будутъ одинаково правильны и логичны, смотря по тому, на что упираетъ разсказчикъ, — на длительность дѣйствія или на совершеніе его, на совокупность семи случаевъ, какъ на единое дѣйствіе или на послѣдовательность семи отдѣльныхъ дѣйствій. Эти отѣнки мысли русскій языкъ отличаетъ, ибо онъ умеетъ и тонокъ. А вотъ, придуманный г-жей Тэффи охранитель и не тонокъ, и не умеетъ.

ляться у́здной рѣчью, надо еще сдѣлать такъ, чтобъ всѣ у́зды другъ друга понимали; мало чувствовать у́здную прелесть, надо еще сдѣлать такъ, чтобы связать всѣ у́зды единымъ языкомъ въ единое цѣлое; надо создать могучее орудіе проведенія единой культуры во всѣ закоулки страны. А если такой языкъ нами уже унаслѣдованъ, если языкъ уже вышелъ на большую дорогу государственной жизни, то должно блюсти ясность, логичность его, держать его на культурномъ уровнѣ, отвѣчающемъ высотѣ его всенародныхъ и мировыхъ задачъ. Чѣмъ достигнуть этого, какъ не постоянной заботой о совершенствѣ литературнаго языка и живой рѣчи высшаго, образованнаго общественнаго слоя? И почему то, что въ другихъ странахъ составляетъ никѣмъ не оспариваемое проявленіе просвѣщеннаго отношенія къ языку, должно у насъ считаться косностью и подлежать издѣвательству?

Не вижу, какъ на дѣлѣ осуществить требованіе г-жи Тэффи «не одергивать». Вотъ съ нами живетъ няня; она орловская; она говоритъ: «У княжнѣ въ комнатѣ». Я къ этому привыкъ, для меня оно даже пріятно звучитъ. Но долженъ ли я своему племяннику объяснить, что окончаніе родительнаго падежа *и*, а не *ь*, или не долженъ? «Думалъ ли кто-нибудь, живя въ Россіи, правильно ли онъ говоритъ?» — спрашиваетъ г-жа Тэффи въ видѣ упрека... «охранителямъ». Думали, къ сожалѣнію, не многіе. Но все же были семьи, гдѣ родители за рѣчью дѣтей слѣдили, выполняя тѣмъ и родительскій долгъ, и долгъ передъ родиной. И языкъ въ этихъ семьяхъ отъ того не омертвѣлъ. Вопросъ мой, надо ли объяснить племяннику относительно окончанія родительнаго падежа, можно выразить иначе: «Считаетъ ли г-жа Тэффи, что грамматика нужна?» А если не нужна, то нуженъ ли въ Академіи Наукъ отдѣлъ Русской Словесности? Да и вся Академія — нужна ли она? Не ведетъ ли подобное преклоненіе предъ произволомъ личности въ общемъ дѣлѣ языка къ отрицанію всякой культуры? Ужъ не попала ли ненарокомъ въ чернильницу г-жи Тэффи капля тлетворныхъ евразійскихъ чернилъ?

Не новъ у насъ протестъ противъ «ненужныхъ стѣсненій» творчества. Еще полъ вѣка назадъ слыхали мы, что

актеру нужна не школа, а «нутро»; что не бѣда, если на портретѣ подъ платьемъ не чувствуется костякъ или если пѣвецъ не владѣетъ голосовыми струнами... «Зато экспрессія-то какая!..», «Душа-то, душа! А?» Приходилось слышать, и не отъ глупыхъ людей, разсужденіе на тему о томъ, «Чего это у васъ тамъ въ академіи учатъ какимъ-то законамъ военнаго искусства? Суворовъ безъ всякихъ законовъ всегда билъ, а болванъ у васъ только поглотить...» Послѣднее, пожалуй, вѣрно (ибо, заполучивъ дипломъ, возомнитъ себя полугеніемъ), но... не любить русскій человѣкъ, крѣпко не любить ни рамокъ, ни правилъ, ни законовъ. А интеллигенціи русской, той всегда надо отъ чего-либо «освободиться». Такая ужъ хроническая болѣзнь. Чуть откуда-нибудь повѣетъ духомъ охраненія, хотя бы самыхъ безспорныхъ духовныхъ цѣнностей, сейчасъ взерошится, натутуршится, какъ птица учуявшая опасность, и взлетитъ высокимъ пареніемъ на тему о свободѣ.

3.

Сердцевина всѣхъ возраженій охранителямъ и есть доводъ о свободѣ. Но прежде чѣмъ выставить его, хорошо бы условиться относительно значенія этого слова въ примѣненіи къ языку. Значеніе его опредѣлено мною, думается, съ достаточной ясностью въ другой статьѣ (см. здѣсь, стр. 43—45). Охранительное начало такая же необходимая составная часть свободнаго развитія языка, какъ дисциплина — неотъемлемый элементъ воспитанія: безъ нея вырастетъ не свободолобивый юноша, а уличный дикарь. Если мои любительскія разсужденія для кого-либо не убѣдительны, то вотъ, что говоритъ профессоръ Дармштеттеръ*).

«Каждый языкъ пребываетъ въ состояніи непрерывнаго измѣненія (*évolution*). Въ любой моментъ своего существованія, онъ находится въ положеніи болѣе или менѣе длительнаго равновѣсія между двумя противоположными силами: одна изъ нихъ, сила охранительная (*con-*

*) Arsène Darmsteter, „La vie des mots“, Paris 8^e ed.

servatrice), старается удержать языкъ въ настоящемъ положеніи, другая — революціонная, стремится толкнуть его на новые пути» (стр. 6).

Главнѣйшія причины, *сохраняющія* чистоту языка, слѣдующія: воздѣйствіе культуры (хотя бы и весьма скромнаго уровня), уваженіе къ преданію, забота окружающихъ о произношеніи ребенка, природный хорошій вкусъ и инстинктивное желаніе изысканной рѣчи (*d'un langage choisi*); на слѣдующей ступени культурной жизни появляется вліяніе священныхъ книгъ (Библия, Коранъ...), а въ дальнѣйшемъ — вліяніе литературныхъ твореній. Всѣ эти причины можно выразить однимъ словомъ — культура мысли (*la culture de la pensée*).

Сила революціонная дѣйствуетъ троякимъ образомъ:

1. Путемъ физиологическихъ измѣненій *произношенія*; начало имъ кладетъ ребенокъ; если онъ вырастетъ, сохранивъ ихъ, его произношеніе можетъ привиться семьѣ, чрезъ нее — селенію и т. д. Можетъ случиться, что измѣненное произношеніе воспримутъ всѣ; если же часть отвергнетъ его, то въ части, его принявшей, создается свое нарѣчіе.
2. Путемъ психологическимъ — *уподобленіемъ* (аналогіей); тутъ видоизмѣняется уже не звукъ, а самое тѣло (*le corps même*) языка, — его грамматика. Дѣйствіе уподобленія борется съ дѣйствіемъ фонетическаго измѣненія: мысль измѣняетъ звукъ. Напр., окончаніе нѣсколькихъ словъ распространяется на цѣлый рядъ другихъ словъ. Когда уподобленіе переноситъ форму одного слова или лишь немногихъ на цѣлую совокупность словъ, оно является началомъ созидающимъ.
3. Путемъ *неологизмовъ*; новыя слова слѣдствіе появленія новыхъ фактовъ, идей, новаго пониманія вещей; они часто приводятъ къ забвенію старыхъ.

«Жизнь, здоровье *рѣчи* состоитъ въ томъ, чтобы *следовать за революціонной силой какъ можно медленно* — она вѣдь всегда будетъ увлекать ее съ достаточной быстро-

той — и *крепко удерживаться за охранительное начало*» (стр. 13). *)

«Что произойдетъ, если только одна изъ двухъ силъ будетъ дѣйствовать, отстранивъ и упразднивъ другую? Если революціонная сила (неологизмовъ) останется бездѣйствующей и языкъ станетъ неподвижнымъ, онъ окажется въ опасности». Когда измѣнились понятія народа, а ихъ выраженіе, изъ-за ложной преданности старымъ преданіямъ, осталось прежнимъ, языкъ можетъ изсякнуть и погибнуть. Такъ умеръ въ концѣ римской имперіи классическій языкъ высшихъ классовъ. Напротивъ, «если дѣйствуетъ лишь революціонная сила, языкъ, брошенный на путь измѣненій, преобразуется съ невѣроятной быстротой. Иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній языкъ достигаетъ состоянія столь отличнаго отъ прежняго, что онъ по справедливости представляется новымъ языкомъ. Иногда онъ раздѣляется на множество нарѣчій, которые подвергаются дальнѣйшимъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ до бесконечности. Утверждаютъ, что въ иныхъ говорахъ, въ иныхъ дикихъ языкахъ одно и то же поколѣніе бываетъ свидѣтелемъ зарожденія и смерти языковъ и того, какъ они возрождаются въ новой формѣ» (стр. 14). Съ ростомъ цивилизаціи языкъ становится устойчивѣе (стр. 15).

Итакъ, въ языкѣ непрерывно дѣйствуютъ двѣ противоположныя силы — охранительная и революціонная. *Объ* необходимы для его существованія; устраненіе любой изъ нихъ грозитъ ему смертью. Добавлю отъ себя: каждая изъ нихъ можетъ дѣйствовать или свободно, или подъ давленіемъ внѣшнихъ (не филологическихъ) причинъ. Охранителя никто не *принуждаетъ* любить языкъ Несторовой лѣтописи или «Семейной хроники»; его влечетъ къ нему такъ же свободно, какъ другого къ пошлости частушки. Первый можетъ создать новое слово въ согласіи съ законами языка, — это будетъ свободное органическое его наростаніе; напротивъ, новыя составныя слова-уроды, выдуманная большевиками, порождены насиліемъ.

*) La vie, la santé du langage consiste à suivre le plus lentement possible la force révolutionnaire qui l'entraînera toujours assez vite, en se retenant fortement aux principes conservateurs.

Такою же болѣзненной операціей ради политическихъ цѣлей является превращеніе прелестнаго малороссійскаго нарѣчія въ украинскій языкъ-волянюкъ или вырожденіе въ предѣлахъ Италіи словенскаго языка у дѣтей *). Охраненіе языка можетъ, слѣдовательно, быть защитой свободы, а измѣненіе его — ея отрицаніемъ. Отсюда ясно, какъ несправедливы подчасъ обвиненія противъ охранителей. Г-жа Тэффи говоритъ, что нашъ бѣженскій языкъ все равно прорветъ «плюзы»; но плюзовъ никто и не возводитъ, а направляющія береговья плотины и огражденія отъ заносныхъ песковъ есть благо для рѣки: теченіе ея полнѣе и плодотворнѣе.

Еще одно замѣчаніе и мы покончимъ съ доводомъ о свободѣ.

Ich singe wie der Vogel singt

приводитъ г-жа Тэффи Гетевскій стихъ, дабы опредѣлить ту свободу, которая должна быть предоставлена языку. И приводитъ некстати: баллада говоритъ о свободѣ творчества отъ земной награды, стихъ—о томъ, *когда и что пѣть*, а не о томъ, *какъ пѣть*. Да и такъ ли ужъ свободна птица въ своей пѣснѣ? Сколь ни изнывай въ сладострастномъ призывѣ иволга, соловьемъ ей не зацѣлкать. А самъ Гёте, развѣ онъ пренебрегалъ законами родного языка? развѣ не влилъ свою свободную пѣсню въ твердыя грани нѣмецкаго стихосложенія? Всмотритесь въ до неузнаваемости перечеркнутую рукопись Бетховенской сонаты и увидите, *какъ* гений понимаетъ свою свободу. Созданіе и жизнь языка есть творчество скопомъ; участіе въ немъ, чтобы дать добрый плодъ, тоже должно подчиняться законамъ. Совершенная свобода (я говорю о свободѣ твари) есть анархія. Нѣтъ истинной свободы внѣ добровольнаго подчиненія.

*) Итальянцы совершенно изгнали словенскій языкъ изъ школъ; даже частные уроки въ школахъ воспрещены; сотни учителей словенцевъ переведены во внутреннія провинціи; передѣлываются не только фамиліи словенцевъ, но даже имена славянскихъ святыхъ, дашыя при крещеніи, тутъ же свѣтской властью замѣняются на славянскими. Судь въ Триестѣ оправдываетъ подобные возмутительные случаи измѣненія крестнаго имени. Какъ извѣстно, Великая война велась, между прочимъ, во имя самоопредѣленія народностей!

Моя статья затянулась. Но читатель, конечно, замѣтилъ уже, что я не столько отвѣчаю г-жѣ Тэффи, сколько говорю по вопросамъ, связаннымъ съ ея темой. Ея слова служатъ вѣхами для моего изложенія. Вотъ дальнѣйшія ея мысли.

«Если суждено ему (бѣженскому языку) стать уродомъ, то и станеть, а будетъ живымъ» . . . «А развѣ тамъ, въ Россіи, не отошелъ языкъ отъ стараго русла? . . . Мы еще хранимъ старыя завѣты, потому что любимъ прошлое, взячески бережемъ его. А они не любятъ и отходятъ легко и спокойно». «И мы, хотя будемъ очень горевать, но уйдемъ тоже».

Что за фатализмъ? Развѣ мы съ вами Магометовы поклонники? Такъ можно зайти слишкомъ далеко и сказать: «Если *суждено* моимъ дѣтямъ стать итальянцами, а Вашимъ французами, то и стануть, а потому . . . нечего и заботиться объ ихъ русскомъ языкѣ» и повторить за Вами: «Чѣмъ питать его? Старыми нашими истрепанными кижками»? Потише, потише: на потрепанныхъ обложкахъ — «Пушкинъ», «Война и миръ», «Дворянское гнѣздо» . . .

Мало ли что кому представляется неизбѣжнымъ; если поддаваться предвиднію, что такъ «суждено», то вѣдь вообще ничего дѣлать не стоитъ, — ложись да помирай. Вотъ я напр. ужъ четверть вѣка жду, что желтый востокъ насъ зальетъ, и ужъ десятый годъ чувство мнѣ подсказываетъ, что большевизмъ разольется по всему лицу земному; что поклонятся ему всѣ власти, кромѣ (не въ обиду Д. С. Мережковскому будь сказано) одной — власти папскаго престола. Съ ужасомъ представляешь себѣ «среди дня и въ часы полуночи», какъ русскій народъ, не выбившись изъ-подъ безбожной власти, подъ ней озвѣрѣвшій, превратится въ рукахъ Интернаціонала въ ослѣвленное орудіе разрушенія западной культуры (на первыхъ порахъ — въ угоду германской жаждѣ мщенія). Можетъ быть все это бредъ и весьма глупый, а можетъ — тутъ чутье приближенія тѣхъ дней, когда настанеть такая скорбь, какой не было отъ созданія міра. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что

ничто въ мірѣ духовномъ, даже и неизбѣжное, не творится внѣ участія человѣческой воли, и всегда мы свободны стать на сторону либо добра, либо зла. И не то важно, что мы скоро «уйдемъ», а то, уйдемъ ли, исполнимъ нашъ долгъ.

Если «суждено» языку перерожденіе, оно все же не можетъ произойти безъ участія воли каждаго изъ насъ. И почему г-жа Тэффи признаетъ силу тѣхъ, кто въ Россіи, а здѣшнихъ считаетъ безсильными? Если я не теряю свободы предъ призракомъ рока, то и не поклонникъ я ариеметическаго счета голосовъ. Полагаю, что у каждаго голоса свой особый удѣльный вѣсъ. Полагаю, что за нами, людьми наслѣдственной культуры, много больше возможностей вліять въ этомъ вопросѣ, чѣмъ у людей, бессознательно пользующихся языкомъ. Думаю, что я послужу противовѣсомъ цѣлой сотнѣ малограмотнаго люда, а г-жа Тэффи, столь часто и даровито работающая перомъ, перевѣситъ и цѣлую «тыщу». Если бы вся зарубежная Россія сознательно встала въ вопросѣ языка на сторону охранительныхъ началъ (*force conservatrice*), она смогла бы удержать его отъ скольженія въ пропасть. Вѣдь когда-нибудь да вернемся, и тогда *нашъ* русскій языкъ будетъ языкомъ высшей культуры и потому неизбѣжно будетъ вліять на языкъ послѣ-большевицкой Россіи. Нѣтъ основанія опасаться отрицательныхъ послѣдствій чистоты языка. Классическая латынь исчезла, ибо римляне остались глухи къ новымъ понятіямъ, зародившимся съ водвореніемъ въ Италіи варваровъ; но вѣдь мы не отворачиваемся отъ *той* Россіи, а всемирно силится понять тамъ происходящее, чтобы толковѣе бороться со зломъ. Никто не отрицаетъ *понятія* политическаго представительства или губернскаго политическаго просвѣтительнаго комитета; хотѣлось бы только, чтобы не было глупаго *звука* «полпредство» и «губполитпросвѣты».

Тамъ отъ стараго языка «отходятъ легко и спокойно», говоритъ г-жа Тэффи. Да мало ли отъ чего тамъ легко и спокойно отходятъ! Тамъ русскимъ людямъ говорятъ, что они не русскіе, а украинцы, и они «легко и спокойно» повторяютъ, какъ попугай: «Украинцы». Тамъ Новороссію, приобрѣтенную и оживотворенную *всей* Имперіей, — т. е.

всѣмъ тріединымъ державнымъ русскимъ народомъ и всѣми народами и племенами, Россійскую Имперію съ нимъ созидавшими, — назовутъ Украиной, и мы спѣшимъ назвать ее такъ же. Ужъ не прикажете ли «легко и спокойно» принять и названіе «брака» для большевицкаго его поруганія? Меня часто удивляетъ непоследовательность нашихъ газетъ: вопіютъ о безпощадной борьбѣ противъ большевиковъ, а соизволится какому-нибудь Карыхану сказать «агрессія», и сейчасъ повторяютъ «агрессія». «Такъ точно, Ваше Превосходительство, агрессія-съ». Да неужели не ясно, что въ рукахъ большевиковъ *искаженіе языка и искаженіе имени есть орудіе обезличенія русскаго народа, искаженія его души, путь къ его раздробленію и уничтоженію*? Для г-жи Тэффи работа революціонныхъ силъ языка на родинѣ — доводъ въ пользу того, чтобы и мы его не берегли; для меня же эта *вражеская* работа доводъ въ пользу работы въ *защиту* его чистоты.

Такъ сильно любитъ г-жа Тэффи своеобразно понимаемую ею «свободу» языка, что ради нея спокойно взираетъ на то, что онъ будетъ уродъ. Десять лѣтъ назадъ точно такъ же не безпокоились о томъ, не станетъ ли уродомъ и вся Россія, лишь бы дать ей «свободу». Ну, и дали, — въ ковычкахъ.

Да, если бы прислали намъ на побывку несчастнаго ребенка-калѣку, пришлось бы примириться съ судьбой, любить его горбатенькимъ, не приставать къ нему, когда не *за* столомъ сидитъ, а *на* столѣ полулежитъ. Но вѣдь къ намъ съ вами забѣгаетъ парень прекрасный, отъ природы здоровенный. Онъ лишь побывалъ въ дурномъ обществѣ; такъ нашъ долгъ цукать его: «Не пригибайся къ тарелкѣ; она не корыто съ болтушкой, а ты не теленокъ, — поднимай пищу до рта... И не гляди въ бокъ исподлобья, поверхъ оскорбленно задраннаго праваго плеча... Прямо, прямо спину и выше русское чело!»

5.

Ко мнѣ сей парень заходитъ рѣдко. Иногда придетъ, двери не притворитъ, не поздоровается, распуценно развалится на стулѣ: Знай — молъ нашихъ; а всякія ваши тонкости тамъ, — ну ихъ къ чорту».

— Что это ты сегодня такой нескладный, спрашиваю его, откуда пришелъ?

«А отовсюду. Гдѣ только не бывалъ... Всѣ пути исходилъ».

— «Сквозь туманъ кремнистый путь блестить», ска- залъ я почему-то. Онъ встрепенулся, глянулъ на меня пристально, вдругъ какъ-то подобрался весь и подхватилъ:

Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говорить.

«Какъ хорошо, восторженно сказалъ онъ. А вѣдь это я сказалъ. Теперь иной разъ и не вѣрится, что я могъ такъ говорить».

Онъ понурилъ голову.

— И нечесанный какой-то ты сегодня. Лицо даже не мыто. Во, на вискѣ пятнышко... Ужъ не вошь ли пол- зеть? Да ты не обижайся, по бѣженству со всякимъ грѣхъ можетъ случиться... Не изъ ночлежки ли сейчасъ?

«Какой изъ ночлежки. Прямехонько отъ профессора. И не вша это вовсе, а это они изволили мнѣ прививку сдѣ- лать».

Взялъ я лупу, смотрю: и впрямь не вошь, а мелко- мелко напечатано: «Изъяны и дефекты. Впнаверь, «Не- давнее», стр. 285».

— Да тутъ у тебя еще много чего любопытнаго. «Чтобъ не было интервала, не было промежутка, стр. 109...» «для спасенія кардинальной, основной идеи, стр. 248».

И многое другое подобное было написано.

— Гм... говорю, профессора-то должны намъ при- мѣръ подавать, какъ правильно мыслить... Когда зай- дешь къ нему опять, спроси-ка его, правильно ли будетъ сказать такъ: «Она сидитъ на стулѣ и шезѣ»? И если пра- вильно, то какъ сіе надо понимать, т. е. на одномъ ли она стулѣ сидитъ или на двухъ? Или можетъ, между двухъ стульевъ?

Ухмыльнулся парень: «А вы изъ дерзкихъ будете».

— Дерзкій, не дерзкій, а изъ неллицеприятныхъ.

«И... неприятныхъ».

— Ужъ извѣстно... одно къ другому. А любишь ты, говорю, когда тебѣ прививку дѣлаютъ?

«Пока что терплю... Но ежели *всего* исколютъ, да жи- вого мѣста не оставятъ, такъ не взыщите, ни красоты отъ меня, ни ума бойкого, ни полета высокога вамъ больше не выдать».

— Э, говорю, не грусти. Вотъ я тебѣ лишаи эти от- чищу спиртомъ; а то и бензиномъ.

Взялъ ваты, смочилъ изъ бутылки, да и началъ те- реть. Тру... тру... Парень покрюкивается, а все же, видно, доволенъ. Да и правда забавно: сотрешь какое ни- будь пятнышко, «ипокритство» напимѣрь, а изъ-подъ него такая яркая надпись покажется: «лицемѣрие»; изъ- подъ «адепта» — «сторонникъ» вылѣзаетъ.

«А вы скоро кончите?»

— Сейчасъ... Вотъ тутъ еще какая-то парша у тебя: «Конспирація»; коли сотру, навѣрно «заговоръ» найду.

«Конечно найдете. А если «заговоръ» не подойдетъ, тамъ рядышкомъ найдете «тайну» или вообще что-либо по части таинственности. У меня вѣдь всего много при- пасено».

Онъ становился болтливымъ.

«Я вамъ что скажу... Былъ въ Питерѣ профессоръ П. Теперь, кажись, померъ, такъ имени вамъ знать не за- чѣмъ. Сидитъ онъ, бывало, и сочиняетъ свои лекціи, а я ему на стулъ сзади влѣзу, да на ухо и начну подсказы- вать. Два моихъ слова возьметъ, а третьяго не хочеть. «Если всмотримся въ явленія»... подсказываю я; а онъ перечеркнулъ: «въ феномены историческаго...» «Опыта» шепчу я. «Отстанъ, говорить, и пишетъ: «эксперимента и если...» Я, продолжаю: «обратимся къ третейскому суду общественной совѣсти съ призывомъ...» А онъ какъ осерчаетъ: «Убирайся, ты — говорить — вонъ со своимъ плебейскимъ русскимъ языкомъ. Если апеллируемъ къ арбитражу общественной...» Онъ овладѣлъ собой, по- вернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ сквозь золотые очки и ска- залъ спокойно и вѣжливо такъ: «Видите ли, коллега, мы концепируемъ реальность историческихъ феноменовъ, а равно ихъ реагированіе въ сферѣ абстрактныхъ идей въ діаметрально иномъ аспектѣ, чѣмъ...» онъ задумался, ища слово... «*большинство* (нашелъ онъ его)... *humanae gentis*. Принципы этническій для насъ, на Олимпѣ, за-

вуализованъ перманентной аспираціей индивидуума къ абсолюту...» Тутъ я не выдержалъ, спрыгнулъ со стула, вскарабкался на полку книжнаго шкапа и залѣзъ промежъ ветхихъ страницъ протопана Аввакума: хоть тамъ и пахнетъ затхлымъ, но звуки-то были родные.

— А студенты? Тѣмъ такой профессорскій языкъ нравился?

«А разное бывало. Одинъ помню, на первый курсъ изъ Чухломы пріѣхалъ. Открылъ это лекціи; почиталъ... «Ну и ума палата должно быть голова-то у профессора нашего. Сразу и не поймешь, столько мудрыхъ словъ». А другой и говоритъ ему: «Ничего тутъ мудраго нѣтъ. У моей сестры гувернантка есть, дура-предура, а всѣ эти слова тоже знаетъ. Француженка». Да и возьми карандашъ и напиши на обложкѣ: «Они хочутъ свою образованность показать, а говорятъ одно непонятное».

— Вотъ такъ дерзкій, не то, что я.

«Такъ это не его слова. Развѣ не читали Чехова? Ну, буде вамъ царпать-то... Студентъ только малость переиначилъ... Другой разъ опять приду.

— Постой, постой... Вотъ еще свѣженькое, прямо изъ «Звена» (№ 5)... Что за гадость! «Сублимація» (стр. 268). Должно быть по части высшей химіи. Тутъ бензину не совладать: дай-ка *сулемой* попробуемъ, — самое подходящее. Такъ! Сошло. На сегодня довольно.

«Спасибо вамъ. Веселѣе стало».

Я закупорилъ бутылочки и заперъ ихъ въ письменный столъ.

«Что, еще пригодятся?», — спросилъ онъ, лукаво подмигнувъ.

Онъ глядѣлъ на меня довѣрчиво; я почувствовалъ, что онъ мнѣ союзникъ.

«Хотѣлъ я васъ спросить — вы вѣдь давно въ Римѣ живете — что такое значить «пастиччіо». «Возрожденіе» пишеть, что такое-де новое слово у меня завелось. Даже цѣлый фельетонъ имъ озглавленъ. Выговорить-то я умѣю: языкъ у меня, извѣстно, безъ костей; но что значить — не пойму.

— А ничего не значить.

«Какъ такъ?»

— А такъ. Ничего не значить. Кривлянье одно.

«Развѣ итальянцы такіе кривляки?»

— Итальянцы... По итальянски это даже очень много значить. Прекрасное, полновѣсное, живое слово. Ты пойми: что въ Россіи каша, то здѣсь pasta... Да боюсь, тебѣ скучно будетъ, потому длинно... Въ двухъ словахъ вѣдь не растолковать...

«Нѣтъ, нѣтъ, — говорите. Очень даже занятно».

— Такъ видишь, — повторилъ я, ободренный его вниманіемъ, — что въ Россіи каша, то здѣсь pasta. Кашу въ тряпочкѣ суютъ у насъ въ ротъ пучеглазому младенцу; кашу солдату каждый день подавай; и старику беззубому опять ее же надо. А итальянскому солдату безъ *past*'ы дня не прожить. Здѣсь чуть ли не каждый мальчишка глядѣлъ, какъ мать мѣсила *past*'у въ обливной лохани. Вдалъ онъ не разъ всякія *pasticcio*, и съ макаронами, и съ мясомъ, и съ иной начинкой. А разъ онъ видѣлъ, какъ къ сосѣду подѣхала высокая-превысокая арба съ расписнымъ навѣсомъ надъ козлами, какъ сосѣдъ съ возницей сгрузили и вкатили въ подвалъ боченокъ вина; слыхалъ, какъ они потомъ галдѣли при расчетѣ и какъ взбѣшенный возчикъ, отѣхавъ отъ корчмы, долго ворчалъ, то и дѣло злобно и бесильно оборачиваясь въ сторону корчмы: «Ишь, набилъ пузо *past*'ой, да и пыжится!» Слово это, въ десяткѣ его отгѣнковъ маленькій Джіованни воспринялъ всѣми пятю чувствами, оно залегло гдѣ-то въ глубинахъ подсознанія и только и ждетъ, когда бы опять на свѣтъ Божій выскочить и блеснуть новымъ переливомъ. И потому, когда учитель, возвращая въ классъ тетради съ ариѣметической задачей, сказалъ ему: «Ну и хорошее же ты *pasticcio* сегодня надѣлалъ», онъ тутъ же понялъ, что будетъ ему двойка.

А для тебя «пастиччіо» только звукъ, только скорлупа, а внутри пустота. Каждый можетъ записать въ скорлупу все, что вздумается. И пойдутъ спорить въ газетахъ, какъ, молъ, это слово понимать, и каждый будетъ стараться казаться въ его пониманіи тоньше другого. Очень у насъ любятъ въ пустую мудрить... особенно бывшіе «лидеры» бывшихъ партій. Потому и говорю: кривляніе одно.

Перевести *pasticcio* дословно такъ же невозможно, какъ перевести на итальянскій языкъ напр., только что сказанное мною «пыжиться». Повторить звукъ не значитъ передать мысль. Какъ дѣтямъ говорятъ: «Повтори своими словами», такъ вмѣсто глупаго «русскаго» «пастиччіо» надо сказать: «*Каша* одна получилась... *путаницу* наплели... все это *размазня* одна... такая *неразбериха* тутъ пошла...». Если кто *такъ* перевелъ, то значитъ и итальянца понялъ, и тебя не обидѣлъ.

«Но тогда зачѣмъ мнѣ такія слова навязываютъ?»

— *Зачѣмъ* — это знаютъ немногіе; толпа-то живетъ не *зачѣмъ*, а *почему*.

«Такъ *почему?*», — спросилъ онъ настойчиво и даже не безъ раздраженія.

— Когда тебѣ навязываютъ ненужныя чужія слова, — отвѣтилъ я, — это бываетъ отъ *лѣности мысли* и оттого, что у русскаго человѣка *мало власти надъ собой* и еще оттого, что мало *достоинства*.

«Достоинства?»

— Да. Русскій языкъ большой баринъ; кланяться ему всякому встрѣчному не къ чему. Вотъ если до сѣдова-саго нѣмецкаго ученаго важное дѣло у тебя будетъ или до американскаго техника, такъ тутъ поклонись, воздай честь и попроси помощи, — но только если твердо знаешь, что самъ своими силами не вывернешься.

Стали прощаться.

— «Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами», — совсѣмъ некстати сказалъ я.

«Изрыдалась... Хорошо сказано. Неужели и это я сказалъ?»

— Кто же, кромѣ тебя *можетъ* такъ сказать? Про араба или китайца — не знаю, но изъ близкихъ моихъ знакомыхъ никто такъ не *можетъ*.

«Это вы правильно говорите. Мнѣ съ вами пріятно, потому вижу, уваженіе у васъ ко мнѣ имѣется. А вотъ въ редакцію «Дней» приду, такъ не въ каждую строчку пускаютъ; такъ въ шею и гонять: холопъ-де, смердь необразованный... Даромъ что сицелисты и демократы.

— Такъ ты не сдавайся, лѣзь на проломъ.

«Вотъ у мадамъ Тэффи я люблю побывать. Можно сейчасъ къ ней?»

— Нѣтъ нельзя. А къ *госпожѣ* Тэффи можно; это даже полезно для тебя. Бѣги къ ней. Кланяйся ей отъ меня... Постои... Спроси ее читала-ли она книжку Драгомирова о...

«Михалъ Ивановича, генерала? Какъ же; хорошо его зналъ. Ему, бывало, все самое настоящее слово подсказывай, какъ разъ такое, чтобъ мысль цѣликомъ охватить: ни больше, ни меньше. Всякія тамъ завертушки, украшеньица... не любилъ ихъ.

— Есть его книжка о «Войнѣ и Мирѣ». Когда, — говоритъ онъ Толстому, — вы какъ *художникъ* пишете о войнѣ, въ самую что ни на есть точку попадаете: старый офицеръ или солдатъ прочтеть, такъ его всего и проберетъ, точно вновь тянется на Высочайшемъ смотру или мокнетъ на бивакѣ, или за кустомъ подъ пулями залегъ; и ученый военный на васъ свои теоріи провѣрить можетъ. Ну, а какъ вы начнете *философствовать* на счетъ войны... то хоть святыхъ выноси.

«Неужели такъ непочтительно выразился?»

— Не совсѣмъ такъ. Лѣтъ 30 назадъ читалъ; позабылъ. Но смыслъ таковъ.

«Зачѣмъ же я долженъ г-жѣ Тэффи рассказать?»

— Да ты только расскажи. Она ужъ сама пойметъ, — умная вѣдь. Ну, пока прощай. Опять тебя перепачкаютъ, приходи, — почищу.

«Премного благодаренъ. Будьте здоровы», сказалъ онъ и хлопнулъ дверью.

Но черезъ мигъ дверь вновь отворилась. Онъ просунулъ добродушно-дерзкую рожу и весело сказалъ:

«Мерсьи-съ вамъ!»

Зналъ, чѣмъ порадовать.

* * *

Мнѣ жаль, что я принужденъ былъ сказать, отчасти по адресу г-жи Тэффи, не очень пріятныя вещи. Но что же дѣлать? Пришлось.

Можетъ быть Вы спросите: «Какъ же быть?», повторите прелестный недоумѣнный вопросъ Вашего растеряннаго

парижскаго бѣженца: «Ке феръ? феръ-то ке!» Я Вамъ скажу, ке феръ: прежде, чѣмъ издѣваться, разберитесь въ дѣлѣ; надъ пересоломъ посмѣйтесь,—полезно; но къ сути того, что есть плодъ многолѣтней думы, что выросло изъ наболѣвшей русской души, къ тому, отъ чего здоровой Русью пахнетъ, — къ этому отнеситесь съ уваженіемъ. И кто-бы ни былъ говорящій правдивыя слова, пойдите ему радостно навстрѣчу, протяните ему руки и скажите: «Вы правы, давайте работать вмѣстѣ».

А. В.

Римъ.
26 декабря 1927 г.

ИМЯ И ЯЗЫКЪ.

(Слово председателя собранія въ «День Русскаго Просвѣщенія», 1926 г.))*

Открывая настоящее собраніе, я не стану говорить о значеніи повсемѣстнаго празднованія сегодняшняго дня: это сдѣлаетъ слѣдующій ораторъ. Мнѣ же позвольте въ этотъ радостный день остановиться на одномъ нерадостномъ, тревожномъ явленіи зарубежной жизни.

Тяжелое бѣженское положеніе и одно свойство, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчающееся въ русскомъ человѣкѣ, — свойство недостаточно сознавать свою народность, недостаточно чувствовать, ощущать и проявлять свою «русскость», — эти двѣ причины породили уже печальныя послѣдствія: уже есть русскіе люди, отъ русскаго имени

*) Не безъ нѣкоторой опаски выношу я эти простыя мысли, высказанныя въ скромныхъ стѣнахъ Русскаго Собранія въ Римѣ, въ болѣе широкую аудиторію. Но такія противогосударственныя явленія, какъ Валуевскіе циркуляры, стѣснившіе печатное малороссійское слово, какъ травля почтенныхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ годы войны, или — обратно — такіе болѣзненные извороты нашей интеллигентской мысли, какъ защита интересовъ любой народности, кромѣ своей, русской, — все это свидѣтельствуетъ, что правильный взглядъ на соотношеніе государственнаго цѣлаго и его частей (а равно этническаго цѣлаго и его частей) дается нелегко. О томъ же ярко свидѣтельствуетъ положеніе «меньшинствъ», вошедшихъ послѣ мировой войны въ составъ новыхъ государствъ. Поэтому, думаю, мнѣ, повторить лишній разъ эти простыя мысли нелишне, особенно, имѣя въ виду юныхъ читателей, столь склонныхъ воспламеняться крайними теченіями, столь неохотно ищущихъ путь къ «золотой серединѣ». Его не найти безъ побѣды надъ своими страстями.

отказавшіеся, уже есть русскія дѣти, по-русски не говорящія.

Грустно, печально и непочтенно... и мнѣ хочется высказать нѣсколько мыслей о значеніи имени и языка въ жизни народа, о значеніи этихъ понятій для самаго бытія народнаго.

* * *

Имя народа — это выраженіе его личности, это лицо его. Можно ли представить себѣ юридическое лицо безъ имени? Такъ и народа безъ имени бытъ не можетъ. Населеніе, не создавшее себѣ объединяющаго имени, еще не народъ; и обратно, народъ, имя котораго тускнѣетъ, вымираетъ, — рискуетъ перестать быть народомъ. Безъ имени нѣтъ права на обособленное существованіе среди другихъ народовъ. Поистинѣ, въ имени скрыта какаятостическая, творческая сила. Требуется большая бережность, большая точность въ примѣненіи имени народа *).

Враги это понимаютъ и стремятся уничтожить наше имя, отколотъ отъ русскаго единства составныя его части, придавъ имъ искусственныя, новыя имена или возводя племенное и географическое названіе въ значеніе имени самостоятельнаго народа. Если бы мы поддались этому натиску, размочалили русское имя на имена великороссовъ, бѣлоруссовъ, сибиряковъ, малороссовъ, украинцевъ, да костромичей, то исчезло бы имя русское, исчезло бы русское единство.

И другая есть опасность, уже не для единства *народнаго*, а единства *государственнаго*: она лежитъ въ забвеніи естественныхъ правъ племенъ и народовъ не русскаго корня, входившихъ въ составъ Россійской Имперіи. По-

*) Это упускаютъ иногда изъ виду даже лица, борющіяся съ украинской теоріей, говоря подчасъ «русскій» въ противоположеніе «малороссу» и «украинцу». Такой ошибкой они играютъ въ руку своимъ противникамъ и *низводятъ понятіе «русскій» до понятія «великороссъ»*. А *вдѣль къ этому и сводится стремленіе всѣхъ, работающихъ на расчлененіе Россіи*. «Украинцу» можно противопоставить только «великоросса» и «бѣлоросса», а «русскому» — лишь равносильныя этническія понятія: «нѣмца», «татарина», «грузина», «поляка».

нате имперіи шире и выше понятія народа. Закатъ имперіи начался у насъ, когда началъ входить въ силу лозунгъ: «Россія для русскіхъ». То былъ лозунгъ безнравственный для страны, гдѣ треть населенія была не русской крови, гдѣ треть арміи проливала за Россію не русскую кровь. Это надо помнить, думая о возрожденіи нашего отечества, ибо и въ преуменьшенныхъ предѣлахъ своихъ, оно все же обниметъ разноплеменное населеніе. Самое горделивое чувство русскаго человѣка должно удовлетвориться сознаніемъ главенствующей роли русской народности въ государствѣ и тѣмъ, что ея русскимъ именемъ окрещено общее цѣлому сонму народовъ отечество.

Государственная мысль должна пролагать свой путь гдѣ-то посрединѣ обѣихъ крайностей. Немолчный, буйный голосъ крови долженъ — съ обѣихъ сторонъ — подчиняться требованіямъ разума и нравственнаго начала. Не перестанемъ, конечно, любить свою ближайшую, милую родину, будь она на берегахъ Невы, Днѣпра, Амура или Тихаго Дона, на высотахъ Алтая или въ лѣсахъ Подоліи, но превыше всѣхъ этихъ именъ будемъ нести въ своемъ сознаніи, въ нашемъ сердцѣ и въ молитвахъ нашихъ— всѣхъ насъ объединяющее имя Россіи. Неумно (да и грѣшно) оскорблять мѣстные патриотизмы: краелюбіе въ государственной жизни тоже положительная сила, лишь бы надъ главенствовало сознаніе патриотизма отечественнаго. Сочетаніе этихъ двухъ патриотизмовъ, — нѣжности къ родинѣ и долга предъ отечествомъ, — можетъ быть разнообразно: одни всю жизнь свою живутъ интересами «своей колокольни» и только въ тяжелые или особенно славные въ жизни отечества дни загораются его идеалами; у другихъ — мѣстныя струны едва лишь звучатъ, заглушенныя общимъ созвучіемъ... и когда одинъ итальянецъ спросилъ меня, малороссъ ли я или великороссъ, я засмѣялся и сказалъ, что право не знаю: вся безмѣрная Россія — отъ Камчатки до Бѣлостока (гдѣ грань польскому народу), отъ Соловокъ до Севастополя — мнѣ одинаково близка, дорога, — и дорого мнѣ имя Россіи, — *единой и многогранной*.

И гдѣ бы ни пришлось, — въ школѣ, въ обществѣ, въ печати ли, — мы предъ чужеземцами будемъ неизмѣнно

провозглашать всѣхъ насъ объединяющее имя Россіи и называть себя прежде всего людьми русскими.

* * *

Предки наши мудро обозначали понятія народа и его рѣчи тѣмъ же самымъ словомъ, ибо, если имя есть *лицо* народа, то языкъ его есть *душа* его и то твореніе его, которымъ онъ отличается отъ всѣхъ иныхъ народовъ. Вся жизнь народа, весь обликъ его могутъ за тысячелѣтіе измѣниться до неузнаваемости: языческая темнота можетъ быть прогнана свѣтомъ христіанства, монархическій укладъ смѣниться народоправствомъ, можетъ народъ отпасть отъ вселенскаго единства, породить и вскормить у себя протестанство, — но, если въ странѣ звучитъ все та же рѣчь, это все тотъ же самый народъ. Въ языкѣ жизнь народа, и покуда живетъ языкъ его, живъ и онъ самъ, въ какомъ бы угнетенномъ положеніи ни держала его судьба, ибо въ этомъ случаѣ (а онъ же и нашъ случай) сохраненіе языка есть залогъ возрожденія народа.

И на эту великую силу, на дивный языкъ нашъ, «языкъ - исполинъ», по выраженію Гоголя, тоже ополчились враги: его изгоняютъ изъ окраинныхъ государствъ, его сознательно уродуетъ засѣвшій въ Кремлѣ ненавистникъ Россіи, его преслѣдуютъ поляки, чехи и венгры въ издревле русской Восточной Галиціи и въ Карпатской Руси, его искусственно вытравливаютъ изъ Кіевщины и изъ Новороссіи... Такъ защитимъ же его *мы*, свободные русскіе, станемъ беречь наше великое наслѣдіе, блюсти и холить чистую русскую рѣчь, не будемъ засорять ее плевелами ненужныхъ чужеродныхъ словъ, не будемъ поддаваться современному ея опошленію. А для этого чаще и чаще станемъ окуна́ться въ чистыя и цѣлительныя воды Пушкинской рѣчи, будемъ читать и перечитывать другихъ — подъ великой сѣнью Пушкина творившихъ — кудесниковъ русскаго слова; будемъ непрестанно помнить о великомъ значеніи нашего языка для сохраненія и возрожденія страждущей Русской Земли.

А. В.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя	3
Отъ авторовъ	5
О русскомъ языкѣ	7
О заимствованныхъ иноязычныхъ словахъ	33
О нѣкоторыхъ грамматическихъ ошибкахъ	69
Объ «охранителяхъ»	79
Имя и языкъ	99